

**ФОНД
ПОДДЕРЖКИ
ДЕТЕЙ** находящихся
в трудной
жизненной
ситуации

КУЛЬТУРА ВОСПИТАНИЯ, ПООЩРЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ

отчет о результатах социологического исследования, 2011 год

КУЛЬТУРА ВОСПИТАНИЯ, ПОЩРЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ

**Отчет о результатах исследования
Москва, 2011**

www.fond-detyam.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ	4
ПАРАМЕТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	8
ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАСИЛИЯ	9
НАСЕЛЕНИЕ О НАСИЛИИ	9
ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАСИЛИЯ: ЭКСПЕРТЫ	11
РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ: ПРИЧИНЫ НАСИЛИЯ	17
СТРУКТУРА РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ	17
ОТНОШЕНИЯ С РОДИТЕЛЯМИ	19
ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТОВ С РОДИТЕЛЯМИ	22
ПООЩРЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ	22
ПРИМЕНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ НАКАЗАНИЙ	25
РОДИТЕЛИ И ДЕТИ: СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ И НАСИЛИЕ	28
ЭКСПЕРТЫ О СЕМЕЙНЫХ ПРАКТИКАХ	28
СОВМЕСТНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ	30
ФОРМЫ ПООЩРЕНИЙ	33
ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ НАКАЗАНИЙ	34
СПРАВЕДЛИВОСТЬ НАКАЗАНИЯ	38
КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ	43
ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ	45
ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАКАЗАНИЯ	45
ЭКСПЕРТЫ О КУЛЬТУРЕ НАСИЛИЯ В РОССИИ	49
ЭКСПЕРТЫ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПРОВОЦИРУЮЩИХ НАСИЛИЕ	52
ДОПУСТИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ НАСИЛИЯ	54
СОГЛАСИЕ С УТВЕРЖДЕНИЯМИ	56
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ	56
РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ	61
ИНФОРМИРОВАННОСТЬ О НАКАЗАНИЯХ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ	63
ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ	64
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛИЮ В РЕГИОНАХ РФ	66
СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ	66
МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С НАСИЛИЕМ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ	72
ПРОГРАММЫ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ	72
ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА	75
СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОБЩЕСТВЕННЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	75
ДАЛЬНЕЙШИЕ МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НАСИЛИЮ НАД ДЕТЬМИ	76
КАМПАНИЯ ПРОТИВ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ	79
ИНФОРМИРОВАННОСТЬ О КАМПАНИИ	79
ИНФОРМИРОВАННОСТЬ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ В РАМКАХ КАМПАНИИ	81
ИНФОРМИРОВАННОСТЬ ЭКСПЕРТОВ О КАМПАНИИ	82
ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАМПАНИИ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ	82
ЗАПОМИНАЕМОСТЬ РОЛИКОВ	83
ЭФФЕКТ КАМПАНИИ	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые читатели!

В брошюре представлены результаты исследования «Культура воспитания, поощрения и наказания детей в российских семьях», которое в 2011 году по заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, провело Российское общество социологов.

Исследование было посвящено оценке состояния современной российской семьи, проблеме семейного насилия и формам противодействия ему со стороны гражданского общества, а также оценке первого этапа Общенациональной информационной кампании по противодействию жестокому обращению с детьми, проводимой Фондом по поручению президиума Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике при Президенте Российской Федерации.

При проведении исследования была получена информация о том, как проводят время родители и дети, как часто и за что в современной семье детей наказывают и как часто их поощряют за хорошие поступки, что россияне считают насилием в отношении ребенка, и какие методы наказания «лидируют» у сегодняшних родителей.

Отрадно, что исследование продемонстрировало изменение отношения общества к насилию и жестокости. За два года, прошедших с момента проведения в 2009 году исследования «Семья и родительство в современной России», на 6 % (с 37 до 43) выросло число тех, кто разделяет мнение «Физические наказания в нормальных семьях не применяются». Это один из видимых результатов проводимой Фондом поддержки детей совместно с субъектами Российской Федерации информационной кампании по противодействию жестокому обращению с детьми. Самыми яркими ее событиями россияне признали рекламную кампанию «Откажись от насилия ради лучшего будущего» и создание единого общероссийского телефона доверия для детей, подростков и их родителей 8-800-2000-122. Почти треть опрошенных признала, что кампания заставила задуматься и что-то изменить во взглядах на проблему воспитания и наказания детей.

Полученные данные будут полезны всем специалистам, работающим в области семейной и детской политики, а также специалистам-практикам, представителям средств массовой информации. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, использует полученные данные при разработке мероприятий общенациональной информационной кампании по противодействию жестокому обращению с детьми. Фонд выражает надежду, что никто не останется равнодушным к этой проблеме и призывает поддержать национальную кампанию против жестокого обращения с детьми!

*С уважением и наилучшими пожеланиями,
председатель правления Фонда поддержки детей,
находящихся в трудной жизненной ситуации,
Марина Гордеева*

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

- В большинстве случаев отношения россиян (возрастная категория 16 – 45 лет) со своими родителями были благополучными. Уровень взаимопонимания во многом зависел от того, насколько обеспеченной была семья. Чем более обеспеченной была семья респондента, тем чаще его отношения с родителями складывались «сердечно», «доброжелательно». В семьях с низким доходом в отношениях между родителями и детьми чаще возникали проблемы: родители и дети чаще предъявляли претензии друг другу. Основной проблемой, разрушающей семейное взаимопонимание, была успеваемость в школе. Неблагополучные дети, заведомо проигрывавшие своим более успешным сверстникам в уровне оценок, чаще склонялись к тому, чтобы винить в своих бедах родителей. Родители, в свою очередь, обвиняли своих детей в недостатке прилежания, и в результате возникало напряжение, разрешавшееся открытым конфликтом или даже насилием. Другими причинами, провоцировавшими конфликты в родительской семье, были нарушение детьми правил поведения, установленных родителями, разница ценностей между поколениями.
- В современной российской культуре отсутствует согласие по поводу семьи и семейных ценностей. С одной стороны, семья является культурой модерна, для которой характерна эволюция в сторону равноправия супругов, признания за детьми прав личности. С другой стороны, все большее влияние на быт российских семей, на ценности супругов оказывают тенденции демодернизации – поворот к традиционным ценностям, уход от рационального подхода к жизни, – побуждающие к укреплению авторитарной роли родителя, принуждению детей к определенному типу поведения. Внутренняя противоречивость неизбежно провоцирует конфликты. Родители хотели бы заставить детей следовать некоторым правилам, которые они для них устанавливают, но при этом в самой культуре они не находят инструментов, позволяющих добиться этого «мирными средствами». Эксперты, изучающие проблемы внутрисемейного насилия, полагают, что потенциал насилия скрывают в себе сами основания российской культуры. Ей не хватает уважения к личности, достоинству отдельного человека, но при этом культивируется идея самоутверждения, успеха, благополучия, которое нередко достигается при помощи насилия. Положение усугубляется социальными проблемами современного российского общества – неуважением к закону, пьянством, наркоманией.

- Исследование позволило установить, в каком соотношении находятся в российских семьях разные практики совместной деятельности. Выяснилось, что совместные практики активно реализуются в таких сферах, как спорт или хозяйственная деятельность и относительно редко в сфере культуры, а также той области, в которой происходит согласование ценностных и нормативных порядков, самораскрытие и обсуждение животрепещущих проблем. В современной ситуации у многих родителей не хватает временных, культурных, а также интеллектуальных ресурсов для того, чтобы продуктивно взаимодействовать с детьми. Дети, в свою очередь, все чаще ограничивают свое общение с родителями формальными рамками, сужая свой круг интересов до группы сверстников. В случае возникновения конфликтной ситуации ни родители, ни дети не имеют алгоритмов, «накатанных» путей ее разрешения, насилие становится для родителей одним из способов добиться от ребенка послушания.
- Исследование показало, что разные семьи устанавливают разное соотношение между уровнями поощрения и наказания. В большинстве случаев детей поощряют нечасто, в половине семей – от раза в месяц и реже. Физические наказания также нечасты: в шести из десяти случаев раз в месяц или чаще. Наиболее популярны в российских семьях такие методы наказания, как громкое отчитывание и шлепки ниже пояса. Широко распространены запреты разного рода – от запретов на прогулки до запретов на пользование компьютером. В каждой семье устанавливается свой баланс методов наказания. Если кто-то из родителей использует «жесткие методы» – такие, как порка ремнем, то второй родитель или кто-то из других членов семьи ограничивается «мягкими» мерами – такими, как запреты или ругань. Если же «жесткие» методы в семье не применяются, то все члены семьи чувствуют себя вправе использовать легкие методы физического воздействия – шлепки ниже пояса или подзатыльники.
- Около половины родителей признались, что используют методы физического воздействия в воспитании детей. Основными поводами для этого становятся нарушение дисциплины, невыполнение ребенком требований родителей, его грубость и невоздержанность по отношению к ним. Далеко не редкость, однако, случаи, когда ребенок страдает невинно, когда основной причиной насилия становится усталость родителя, его раздражительность, желание выместить на ком-то накопившийся за день негатив. Согласно полученным данным, женщины чаще, чем мужчины реагируют на ребенка импульсивно, чаще наказывают его просто потому, что он попался под «горячую руку». Но при этом чаще, чем мужчины признают, что были несправедливы и чаще приносят ребенку изви-

нения. Более трети опрошенных женщин испытывают сожаление после того, как подвергли ребенка физическому наказанию. В группе мужчин доля испытывающих сожаление после применения физического наказания в полтора раза меньше.

- Большинство респондентов убеждено, что они воспитывают своих детей лучше, чем родители воспитывали их. Современные родители не так строги по отношению к детям, реже кричат на них. Даже если в подобном освещении ситуации есть элемент приукрашивания, общей тенденцией является смягчение методов воздействия на детей. Мягкие, гармоничные отношения, в которых насилию отводится роль исключения, являются желательным стандартом для большинства российских родителей, даже несмотря на то, что многие из них ему пока не соответствуют.
- Российское общество по-прежнему рассматривает «мягкие» формы насилия над детьми – такие, как пощечина, таскание за уши или шлепок ниже пояса – как эффективные способы привести ребенка в чувство. Альтернативой, а в некоторых случаях дополнением к физическому насилию является громкое отчитывание ребенка, а также система запретов – от запрета на прогулки до запрета на просмотр телевизионных передач или пользование компьютером. В то же время неэффективными признаются травмирующие способы воздействия на ребенка. Нельзя держать ребенка впроголодь, ронять его на пол, угрожать ему острым предметом или изгнанием из родного дома. Даже в тех случаях, когда насилие подобного рода не переходит границ угрозы, оно, полагают респонденты, нежелательно и контрпродуктивно. Родители склоняются к тому, что эффективными или допустимыми могут считаться меры воздействия, не имеющие долговременных последствий и жестокой подоплеку.
- Высокий уровень согласия относительно того, что считать насилием, достигается только в отношении методов воздействия, которые можно квалифицировать как «жестокие». В эту категорию входят те меры насилия, физического и вербального, которые чреваты для ребенка серьезной физической или психологической травмой – ронять ребенка на пол, держать его впроголодь, угрожать острым предметом или изгнанием из дома. К области насилия отнесено наказание ремнем: 70% изучаемой группы согласились с подобной точкой зрения.
- Мнения о том, может ли вербальная агрессия считаться насилием, разделились примерно поровну. Аналогичным образом, серьезные расхождения наблюдаются по такому вопросу, как коммуникационное воздействие. Более 40% полагают, что отказ от общения может рассматриваться как насилие, но более половины с этим не соглашались.

Население полагает, что некоторые «мягкие» формы физического воздействия не могут быть определены как насилие. Только треть опрошенных полагает, что шлепок ниже пояса – это насилие.

- Эксперты в целом не слишком расходятся с населением: крайние формы доминирования они склонны рассматривать как насилие, легкое физическое воздействие, если оно осуществляется в интересах ребенка, насилием не считается.
- Доля тех, кто считает, что физические наказания вредны в принципе, имеет тенденцию к росту. В настоящее время так считает более 40% опрошенных. Около трети признает, что насилие вредно, но все же в некоторых случаях без него не обойтись. Доля тех, кто признает физическое наказание для девочек недопустимым, больше, чем доля тех, кто придерживается подобной позиции в отношении мальчиков. Ценности физического наказания регулируются, помимо всего прочего, и гендерными представлениями.
- В целом, результаты исследования говорят о том, что за последние два года отношение россиян к проблеме насилия над детьми изменилось. Увеличилась, хотя и незначительно доля тех, кто в детстве не подвергался насилию. Несколько увеличилась доля тех, кто считает, что физическое насилие над детьми в принципе недопустимо. Названные изменения отражают сдвиги в обществе, связанные с тем, что государственные органы действуют более активно. На ценности россиян влияет активная кампания по противодействию насилию над детьми, развернутая Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.
- Большинство российских граждан не представляют себе, какое наказание за жестокое обращение с детьми предусматривается российским законодательством. Эксперты полагают, что низкий уровень информированности граждан может быть источником рисков для детей. Они предлагают усилить просветительскую роль государства.
- Большинство российских граждан демонстрируют стремление решать семейные проблемы самостоятельно. Около трети не исключает для себя возможности в некоторых особо сложных семейных ситуациях обратиться за советом к профессиональным экспертам – психологам, юристам, врачам. Наиболее велика доля тех, кто предполагает прибегнуть к помощи профессиональных психологов. Граждане выражают заинтересованность в получении необходимой информации по другим источникам – через книги, по телефону доверия или через специальные передачи по телевидению.

- Около 40% опрошенных утверждают, что слышали о кампании по противодействию жестокому обращению с детьми, реализованной Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Более четверти опрошенных корректно определили слоган рекламной кампании, развернутой Фондом. Еще около четверти вспомнили, что именно Фонд был основным организатором кампании. Наиболее запомнившимся элементом кампании была социальная ТВ реклама «Откажись от насилия ради лучшего будущего». Наибольшее впечатление на зрителей произвел ролик «Мальчик». Около 30% от всей совокупности видевших рекламу признались, что она заставила их задуматься, что-то изменить в своих взглядах.

ПАРАМЕТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В мае-июне 2011 года Центр оперативных и прикладных исследований Российского общества социологов провел комплексное исследование, посвященное состоянию современной российской семьи, семейному насилию и формам противодействия ему со стороны российского гражданского общества. Исследование состояло из двух взаимосвязанных процедур – массового опроса и неформализованных интервью. Массовый опрос базировался на представительной общероссийской выборке населения в возрасте от 16 до 45 лет объемом в 1210 респондентов. Выбор возрастной группы был обусловлен необходимостью обеспечить сравнимость получаемых результатов с данными исследования двухлетней давности, включавшего в себя ряд показателей, характеризующих уровень насилия в родительской и собственной семьях респондента. В процессе конструирования выборки использовался принцип PPS (probability proportionate to size) в отношении шести федеральных округов РФ. Что касается седьмого, Дальневосточного округа, то он был исключен из выборки потому, что

а) доля населения РФ, проживающего на данных территориях, составляет на сегодняшний день около 5%, и б) значительная часть этого населения рассредоточена в районах, которые, по меркам современной социологии, относятся к категории труднодоступных.

Объектом изучения во второй процедуре были эксперты – специалисты, по роду деятельности сталкивающиеся с проблемами насилия и жестокого обращения с детьми. В ряды экспертов рекрутировались официальные лица в регионах РФ, курирующие проблемы семьи и детства (руководители отделов региональных и местных администраций), руководители служб опеки, занимающиеся схожей проблематикой, журналисты, имеющие опыт подготовки материалов по данным проблемам, и представители гражданского общества – негосударственных, некоммерческих организаций, занимающихся защитой детства.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАСИЛИЯ

Население о насилии

Обычным для исследователей семьи отправным посылом для суждений о насилии над детьми является тезис о том, что каждая культура определяет это понятие по-своему, в каждой культуре пределы насилия устанавливаются ее границами и ритуалами. То, что в одной культуре рассматривается как насилие, в другой может быть одним из элементов сложной процедуры социализации, без которой ребенок не может полноценно интегрироваться в общество. И, напротив, то, что в какой-либо из культур рассматривается как легкое наказание, не влекущее за собой долговременных последствий, например, шлепок ниже пояса, в другой культуре может трактоваться как серьезное насилие над ребенком, унижающее его достоинство, его права. Этому посылу противостоит реальность глобальных тенденций, в которые в полной мере вовлечена и Россия. Глобализация подразумевает, помимо всего прочего, универсализацию понятий, относящихся к сфере личности, прав взрослого по отношению к ребенку и ребенка по отношению к взрослому. Глобальные тенденции неизбежно ведут к возникновению глобальных институтов, а последние не могут существовать, если в мире не будет достигнуто согласие по поводу ключевых вопросов, относящихся к правам личности.

Российская культура находится под влиянием двух тенденций, определяющих ее отношение к детям. Во-первых, в некоторых аспектах она переживает период демодернизации, раскрывающейся в понижении уровня культуры населения, все большем распространении консервативных идей, отказе от науки в пользу магии и религии. Во-вторых, она эволюционирует под влиянием рыночных отношений, которые рационализируют, прагматизируют некоторые аспекты социальных отношений. Противоречивость современной российской культуры приводит к тому, что она становится мультиценностной. В ней соседствуют, конкурируя между собой, разные ценностные системы: система ценностей, ориентирующаяся на Европу, с одной стороны, и система ценностей, ставящая превыше всего традицию – с другой; система ценностей, побуждающая к гуманизации практик воспитания, и система ценностей, акцентирующая необходимость борьбы с вседозволенностью, распущенностью, пороком. В результате, в российском общественном сознании обнаруживается тяготение к «золотой середине», полагающей нормальным все, кроме открытых крайностей.

Таблица 1. Определение насилия (в процентах)

	В целом	Мужской	Женский
Угрожать острым предметом	95,9	95,5	96,2
Уронить, бросить на пол	94,3	93,3	95,3
Держать впроголодь	92,5	91,3	93,6
Ударить каким-нибудь предметом	89,8	88,9	90,7
Угрожать выгнать из дома	82,0	80,9	83,0
Дать пощечину, дернуть за уши	71,2	70,5	71,8
Наказать ремнем	70,4	69,7	71,1
Дать подзатыльник	55,3	53,1	57,4
Запереть на время одного в комнате	54,7	52,4	56,9
Заставить посещать занятия	53,4	52,3	54,5
Заставить делать физические упражнения	50,6	50,1	51,1
Отказ разговаривать, общаться	44,0	41,9	46,2
Выругать бранным словом	40,2	39,2	41,3
Шлепнуть ниже пояса	34,6	35,0	34,3
Отказ в помощи в уроках, других делах	33,0	30,2	35,7
Заставить мыть посуду, убирать квартиру	25,3	25,6	25,0
Запретить встречаться с друзьями	22,4	22,9	21,9
Запретить гулять	21,7	22,3	21,0
Поставить в угол	21,6	21,4	21,7
Запретить играть в игрушки	20,2	19,9	20,4
Громко отчитать, отругать	20,1	19,6	20,6
Запретить использовать компьютер, выходить в Интернет	15,0	15,6	14,4
Отказать в карманных деньгах	14,9	14,7	15,0
Запретить смотреть телевизор, видео	14,6	15,1	14,2

Далеко не всегда насилием признается физическое воздействие. Насилием, по мнению подавляющего большинства, является, к примеру, угроза острым предметом, угроза изгнания из дома или держание впроголодь. С другой стороны, только примерно треть опрошенных полагает, что шлепок ниже пояса – это тоже насилие. По целому ряду пунктов мнения разделились. Около половины опрошенных полагают, что насилием может считаться подзатыльник, запираение ребенка одного в комнате, принуждение к дополнительным занятиям или физическим упражнениям. Около 40% готовы признать насилием коммуникационные практики – отказ разговаривать или брань. Из полученных результатов вытекают следующие выводы:

1. Население полагает, что некоторые «мягкие» формы физического воздействия такие, как пощечина или таскание за уши, хотя и являются насилием, но допустимы и могут использоваться в целях воспитания.
2. Политика запретов не рассматривается населением как насилие. Таковым не считается, к примеру, запрет на гуляние, хотя он и чреват насильственным удержанием дома. Большинство не считает насилием запрет на просмотр телевизионных передач или отказ в карманных деньгах.
3. Значительная часть населения не рассматривает некоторые формы физического воздействия как насилие. О шлепках уже говорилось выше, к этой же «противоречивой» категории относится подзатыльник, который около половины населения насилием не считает.
4. С точки зрения большинства населения, употребление грубых бранных слов или отказ с ним общаться также не могут быть классифицированы как насилие. Если подытожить, то получается, что вербальная агрессия рассматривается большинством как насилие только в том случае, если она содержит в себе угрозы радикального действия – изгнания из дома, применения какого-то острого предмета, например, ножа. Если же подобные угрозы не звучат, то отчитывание, брань насилием не считаются.

Определение насилия: эксперты

При ответе на вопрос о том, что такое насилие над ребенком, основное внимание экспертов было сфокусировано на внутрисемейных отношениях и домашнем насилии. Как показывает анализ текстов интервью, домашнее насилие – очень сложное, многомерное явление, принимающее различные формы. Эксперты понимают, что насилие над ребенком во многом обусловлено представлениями о детско-родительских отношениях. Эксперты придерживаются двух основных позиций.

Согласно первой позиции, взаимодействие родителя и ребенка выстраивается в контексте властных отношений. При этом дети занимают подчиненную по отношению к родителям позицию в силу того, что они не адаптированы к социальной жизни, не могут нести ответственность за свои поступки, их личность находится в процессе формирования. В свою очередь, задача родителей – обеспечить в полной мере процесс социализации и развития ребенка. Родители имеют право употребить власть, принуждая ребенка к определенному типу поведения, физическое наказание допустимо как воспитательная мера. Если принуждение, давление, физическое наказание осуществляются в интересах ребенка, как последовательный, осознанный родителями, ответственный, рационально выстроенный воспитательный процесс, то оно не может рассматриваться как насилие. Насилие рождено ситуацией тогда, когда родительская власть применяется не во благо и не в интересах ребенка: родители действуют, повинувшись сиюминутным эгоистическим или эмоциональным импульсам.

С этой позиции, в зависимости от контекста, шлепок может расцениваться как воспитательная мера, так и форма насилия над ребенком. Если шлепок не нагружен негативными эмоциями родителя, производится осознанно и с конкретной целью, не является следствием эмоциональной нестабильности родителя, – то он не насилие, а воспитательная мера. В противном случае, если то же действие является следствием несдержанности родителя, сопровождается разрушительными эмоциями, – он может расцениваться как насилие.

«Ребенок до определенного возраста не понимает словесных вещей, вообще многого не понимает: сознание не развито, он еще находится на уровне щенка маленького. Щенку объяснять бесполезно некоторые вещи – он не поймет в силу отсутствия интеллекта, и приходится делать телесные установки: одергивать, останавливать... Но это должен делать спокойный родитель – тогда это не насилие. Если родитель раздражен, если он агрессивен, если он не знает, как справиться с ребенком, боится его и просто физически подавляет – это насилие. То же самое – шлепок будет насилием». (Барнаул)

«Значит, и все равно может так произойти, что ребенок пытается установить свою власть в семье. Вот. И он может, например, отказаться ходить в школу или может не повиноваться как-то родителям. То есть, когда идет открытое противостояние и ребенок хочет доказать, что он главный, он сильный в семье, то можно применить физическую меру какую-то, шлепнуть и так далее. Но это должно быть исключительно редким». (Санкт-Петербург)

«В свое время мне удалось увидеть серию фильмов, автором которых является – это эстетические публичные лекции – один из американских педагогов-психологов, именной детский; и он утверждал и утверждает, что, на самом деле, есть определенное рода состязательность между взрослыми и малыши, и дети всегда пытаются использовать взрослых. И в ситуации, когда взрослый понимает, что в этом проблема, он должен сразу же продемонстрировать свою силу. На самом деле, способов наверняка много, но когда речь идет о быстрой реакции, первое, что приходит на ум, это просто дать знак телесный, на телесном уровне, что «ты не прав» или что «я тут главный», потому что, по мнению вот этого специалиста, наказание, ну, условно, конечно, должно наступать неотвратимо, чтобы вот эта цепочка, ассоциативный ряд – он четко воспринимался и был однозначным». (Тюмень)

Таким образом, благо ребенка, понимаемое не как сиюминутный комфорт и удовольствие, а как перспектива дальнейшей социальной жизни, может рассматриваться как критерий, разделяющий насилие и воспитательное принуждение: насилием является то, что наносит вред, ущерб здоровью, личностному развитию, физическому состоянию ребенка.

Согласно второй позиции, взаимодействие родителя и ребенка развивается вне контекста властных отношений. В этом контексте родитель и ребенок предстают как равные участники коммуникационного процесса. Задача родителей понимается таким же образом: обеспечить в полной мере процесс социализации и развития ребенка. При этом основным воспитательным инструментом является убеждение: ребенка нужно не принуждать к каким-то действиям, но убеждать, договариваться с ним, объясняя, «что такое хорошо и что такое плохо». Воспитание выглядит как постоянная коммуникация между родителем и ребенком, в которой оба участника занимают равные позиции.

«Вот каждый родитель, заставляя что-то делать малыша, вообще ребенка своего, должен объяснить, зачем и почему. Потому что сначала ребенок просто слушается, а, подрастая, он начинает задавать вопрос: зачем я должен это делать, почему я должен это съесть, почему я должен туда пойти, почему я должен вынести мусор. У матери должен быть ответ. Если его нет, это выглядит как насилие: «А я сказала, и все. Я так приказала». Ну, вот, сразу ощущение насилия. Если человеку объяснили, перспективу показали, почему и зачем: «Я глажу рубашки, ты выносишь мусор», то все – у него другое отношение». (Барнаул)

Эксперты, придерживающиеся данной точки зрения, считают, что насилием является все то, что приводит к разрыву коммуникации между родителем и ребенком, нарушает баланс отношений. В этом смысле любые физические воздействия, применение физических наказаний к ребенку

недопустимы: тот же шлепок, безусловно, является проявлением насилия над ребенком. Более того, применение физических наказаний в ходе воспитания интерпретируется как проявление бессилия родителя, недостаток его родительской компетенции.

«Каким образом можно с ребенком поговорить, чтобы не повысить голос, чтобы этот разговор был конструктивным, чтобы ребенок понял именно словами, чтобы не пришлось применять, извините, шлепки? И вроде бы родители знают, что вот они – ну, неправильно он делают, и потом себя и ругают, что вот, там, допустили какие-то там действия.да? А как сделать так, чтобы не было вот этих действий – они просто не знают. У них нет ни знаний, ни навыков». (Ижевск)

«Существуют какие-то методы и способы донести до ребенка то, что ты хочешь от него получить, то есть, допустим, какие-то запретные вещи, когда ребенку нельзя что-то делать. И есть методы, они существуют; и родитель должен разбираться в них. Просто, не знаю, из-за лени своей, из-за нежелания что-то узнать, родители просто не пытаются понять, каким образом можно взаимодействовать с ребенком на разных возрастных этапах, то есть в разных возрастных категориях с ребенком нужно разговаривать и общаться по-разному. Соответственно, не шлепками». (Санкт-Петербург)

Как бы ни различались взгляды экспертов, можно говорить о единой позиции по вопросу о том, можно ли считать насилием пренебрежение ребенком, отказ родителей его обеспечивать, невыполнение ими своих родительских обязанностей. Большинство экспертов дали положительный ответ: такое поведение родителей можно расценивать как насилие над ребенком.

«Я думаю, что самым трагическим периодом жизни человека является детство, в ситуации, когда он четко понимает свои потребности и не имеет возможности их каким-то образом обеспечить, реализовать. Единственным источником, способным, соответственно, обеспечить его потребности, все-таки являются его родители. И если воспринимать человека как не только социальное явление, но и явление живое, причастное к живому миру, если не сказать – к животному, то первая забота родителя – создать максимальные условия, способные помочь развиваться этой новой жизни, сформироваться и главное – принять те правила общежития или стаи, которые существуют и которые позволят ему в дальнейшем развиваться в безопасной среде». (Тюмень)

«И невыполнение каких-то своих обязательств родительских – это тоже можно рассматривать как насилие над ребенком, то есть недостаточный уход за ребенком, недостаточное обеспечение, допустим, в том же материальном плане. Если родители не дают нормальное, полноценное образование ребенку – это тоже своего рода насилие». (Санкт-Петербурга)

По мнению части экспертов, в современных российских условиях, которые характеризуются глубоким расслоением общества на богатых и бедных, следует различать невыполнение родителями своих обязанностей и невозможность обеспечить ребенку приемлемый уровень жизни в силу объективных причин (низкий социальный статус семьи, нужда, бедность).

«Это просто – так сказать? – разные уровни благосостояния, разные уровни жизни у детей. Если это сельская местность или частный сектор, и все живут небогато и не имеют возможности, скажем, провести централизованное отопление и канализацию, что за это осуждать? Если все живут в одинаковых условиях, то здесь мы ничего не сделаем». (Тюмень)

«Смотря, с каких точек зрения. Если семья довольно обеспеченная, и она отказывается в виде наказания гулять, кормить, поить и так далее – вот это насилие. А когда в семье недостаток, и действительно очень сложное материально-экономическое положение, не хватает еды, и эта еда идет в мизерном количестве, делится на всех – это не насилие, это наша социальная беда». (Самара)

Большинство экспертов сходятся в том, что в большинстве случаев физического насилия над ребенком можно избежать.

«Нужно и можно. Нужно обходиться без насилия, нормальными способами. Можно почитать книжки по воспитанию ребенка, понять, как можно воспитывать. Можно посоветоваться, можно пойти к психологу, к психотерапевту и решить какие-то проблемы. Но в любом случае надо цивилизованным способом». (Ижевск)

«Я думаю, что да. Можно ребенку словами, без унижений, без оскорблений объяснить, что он не прав, как нужно правильно сделать, на своем опыте показать, не оскорбляя и не унижая. Думаю, что да, наверное, можно». (Казань)

Меньшинство придерживается альтернативной точки зрения, согласно которой не всегда родители могут обойтись без насилия в силу объективных причин: порой родителям не хватает терпения, сдержанности, иногда они испытывают недостаток в знаниях, не представляют, как правильно себя вести в той или иной ситуации, и прибегают к насилию, потому что не

видят других вариантов поведения. Необходимо принять, что насилие – это неизбежное следствие социальной жизни:

«В процессе жизни вообще не обойтись без насилия. Наша жизнь – это подчинение одного другому, у нас нет абсолютной свободы. Любая абсолютно свобода – она не достижима, то есть вся наша система, вся наша жизненная система – это система запретов и подчинений». (Москва)

«Хотя, наверно, кто-то со мной поспорит и скажет: «Ни в коем случае, никогда». Может быть. Может быть, в далеком будущем, когда наше общество будет совершенным, мы уйдем от этого и скажем: «Сто процентов, ни в коем случае нельзя, это насилие, это жестокое обращение». Но вот сейчас, здесь и сейчас в нашем мире, мы от этого не можем уйти. Значит, оно будет. Оно есть.». (Москва)

«Наверное, можно. Вряд ли, по-моему... Мы найдем единицы семей, которые не применяли насилие к своему ребенку, хоть раз». (Самара)

С точки зрения экспертов, отказ от насилия вовсе не означает, что семье удастся избежать различных конфликтов между родителем и ребенком. Родитель обязан осуществлять функции контроля над поведением ребенка, он должен выполнять функцию воспитателя, обеспечивающего процесс социализации ребенка. Неизбежно в отношениях, которые строятся на подобных основаниях, возникает напряжение, связанное с ограничением свободы ребенка или его принуждением к соблюдению определенных норм поведения.

«Без проявления насилия обойтись можно, но границы воспитательного характера устанавливать необходимо». (Барнаул)

«Вы знаете, вот здесь надо, мне так кажется, разделять наказание и насилие. Без насилия обойтись можно, а без наказания все-таки нельзя – ребенок должен знать, ему нужно ставить те планки, которые он не может перейти или какие-то критерии оценки, ниже которых он не может опуститься». (Москва)

«Вне всякого сомнения. Я так думаю, что нельзя, чтобы воспитание вообще было сопряжено с насилием, но воспитание – это не всегда пряник и не всегда это цветы и так далее, то есть в любом случае это и какие-то серьезные, неприятные для ребенка разговоры, это примеры неприятные и так далее. Они просто необходимы. Воспитание – это не только сказки или какие-то песни колыбельные. Воспитание – это, конечно, и какие-то неприятные моменты, но они действительно во благо на предупреждение каких-то ситуаций». (Самара)

«Нет, конечно, есть такое понятие - жесткая любовь. То есть, ну, естественно, надо ребенку давать границы. Безусловно, но не физически». (Санкт-Петербург)

Итак, суммируя, необходимо подчеркнуть следующее: позиции экспертов по отношению к тому, что считать насилием, помещены в более общий контекст отношения к семье и процессу воспитания. В среде экспертов, рассматривающих семью как совокупность властных отношений, бытует точка зрения, согласно которой насилие можно избежать, если использовать весь спектр воздействия на ребенка. В то же время само понятие насилия расширяется и включает в себя разные виды коммуникативного воздействия. Альтернативная точка зрения на насилие предполагает его сужение до размеров воздействия, лишённого аффективной составляющей (родительской любви).

РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ: ПРИЧИНЫ НАСИЛИЯ

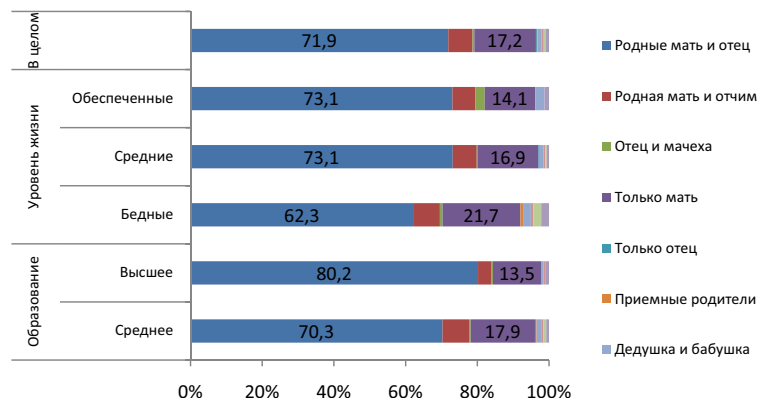
Структура родительской семьи

В настоящем исследовании получили подтверждение основные тенденции, выявленные исследованием 2009 года. Несмотря на то, что полные семьи в общей структуре семей по-прежнему доминируют, их доля в каждом поколении уменьшается. Если в старшей возрастной группе (35 - 45 лет), доля тех, кто рос в полной семье, составляет 72,9%, то в самой молодой группе она равна 68,7%. При этом от поколения к поколению увеличивается доля тех, кто проживает в неполных семьях (16% в группе 35 - 45 лет, 20,8% в группе 16 - 24 года). В неполных семьях отец все чаще становится эфемерной фигурой, а вся полнота воспитания, социализации ложится на плечи матери. В некоторых случаях (6,8%) ей удается повторно создать семью, тогда в воспитании ребенка принимает участие отчим, в других случаях приходится полагаться на кого-то из близких родственников (1,2%). На плечи одиноких матерей ложится вся полнота нагрузки по воспитанию детей, тяготы, с которыми они сталкиваются, негативно сказываются на молодых людях, заставляют их относиться к собственным семейным перспективам с преувеличенной осторожностью. Симптоматично, что в группе тех, кто воспитывался в полной семье, дети есть у 59,0%, в группе тех, кто рос в неполной семье, доля имеющих детей существенно меньше – 47,6%. Чем больше становится неполных семей, чем чаще дети становятся свидетелями

распада семьи и безответственности одного из родителей, тем больше вероятность того, что в будущем, став взрослыми, они будут откладывать рождение детей, а возможно, и вовсе избегать его.

Семейное неблагополучие распределяется в обществе неравномерно. Два фактора – образование и уровень жизни – оказывают на него наибольшее влияние.

Диаграмма 1. Структура родительской семьи в зависимости от образования и уровня жизни¹

В семьях респондентов, имеющих высшее образование, доля полных родительских семей равна 80,2%, в семьях респондентов со средним образованием – 70,3%. Доля полных семей в семьях, имеющих средний или высокий уровень материальной обеспеченности, составляет 73,1%. В семьях с невысоким уровнем жизни она примерно на десять процентных пунктов меньше. Полученные данные позволяют предположить, что не столько сами структурные факторы влияют на прочность семейных отношений и социализацию детей, сколько культурный капитал, которым семья обладает. Под культурным капиталом понимается в данном случае не только образованность членов семьи, но и усвоение ими норм ответственности, регулирующих семейные отношения. В пользу этой гипотезы свидетельствует, в частности, следующий результат: притом, что в группе малообеспеченных доля тех, кто рос в неполной семье, больше, в ней вместе с тем доля имеющих детей примерно такая же, как в группе со средними стандартами жизни и больше, чем в группе обеспеченных (55,8%, 57,9% и 44,9%). Иными словами, наблюдения за родительской семьей, ее невзгодами влияют на малообеспеченные слои в меньшей степени, чем на слои со средними или высокими стандартами жизни. К этому следует добавить, что в малообеспеченной среде принято детей заводить раньше и раньше требовать от них самостоятельного поведения.

¹ Уровень жизни определяется в исследовании по шкале самоотношения. В группу «бедных» попадали те респонденты, кто не может свести концы с концами, а также те, чьи доходы хватает только на одежду и питание. В группу «средних» включались те, кто сводит «концы с концами» и может откладывать деньги на покупку вещей длительного пользования (телевизор, холодильник, стиральная машина). «Обеспеченная» группа охватывала ту часть населения, которая без особых затруднений приобретает вещи длительного пользования, а также тех, у кого вообще нет никаких материальных проблем.

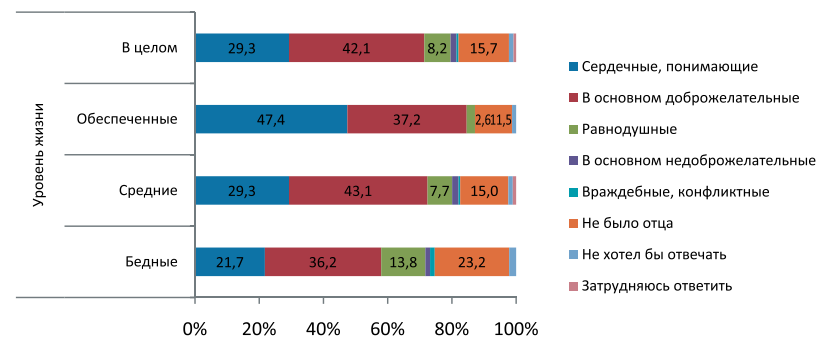
тезы свидетельствует, в частности, следующий результат: притом, что в группе малообеспеченных доля тех, кто рос в неполной семье, больше, в ней вместе с тем доля имеющих детей примерно такая же, как в группе со средними стандартами жизни и больше, чем в группе обеспеченных (55,8%, 57,9% и 44,9%). Иными словами, наблюдения за родительской семьей, ее невзгодами влияют на малообеспеченные слои в меньшей степени, чем на слои со средними или высокими стандартами жизни. К этому следует добавить, что в малообеспеченной среде принято детей заводить раньше и раньше требовать от них самостоятельного поведения.

Отношения с родителями

В исследовании отношения с родителями фиксировались на момент, когда респондент находился в 10-летнем возрасте. Этот рубеж был выбран не случайно: в этот период жизни ребенок достаточно сознателен, чтобы понять, как воспринимают его родители, насколько тесны его отношения с ними. При этом он еще не вошел в сложный подростковый возраст, когда на отношениях с родителями начинает сказываться его вовлеченность во внесемейные структуры общения.

В большинстве случаев респонденты оценивают отношения с отцом как вполне благополучные – либо сердечные, либо просто доброжелательные (29,3% и 42,1%). Равнодушные, дистанцированные отношения с отцом складывались у 8,2% опрошенных, недоброжелательные в разной степени – у 2,5%. При этом у 15,7% отца в этот момент жизни не было, а 1,4% выбрали вариант уклонения от вопроса («не хочу отвечать»). На отношения с отцом влияли, прежде всего, упоминавшиеся факторы – образование и уровень благополучия.

Диаграмма 2. Отношения с отцом в зависимости от уровня жизни

В группе респондентов с высшим образованием доля тех, кто характеризовал свои отношения с отцом как «сердечные», составляла 35,9%, в группе имеющих среднее образование – 28,0%. В наиболее обеспеченной группе доля тех, кто констатировал сердечные отношения с отцом, оказалась наивысшей (47,4%), в группе с невысокими доходами – самой низкой (21,7%).

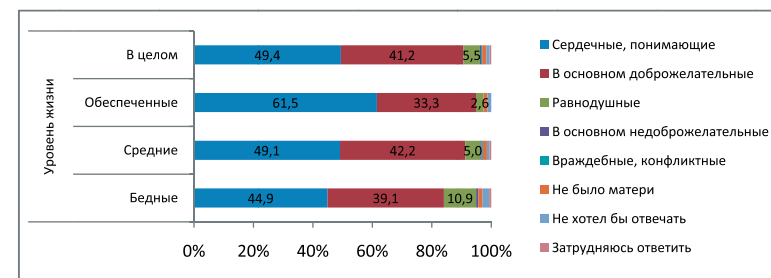
Таким образом, материальный фактор оказывался в ряду самых важных «кирпичиков», помогавших выстроить позитивные отношения с отцом. Если у отца имелась возможность обеспечить ребенку высокие стандарты потребления, то это ценилось ребенком и располагало его к взаимопониманию. Если же отец по разным причинам не справлялся с этой своей обязанностью, то в отношениях между ним и ребенком возникало напряжение. В том, что его материальные возможности меньше, чем у более благополучных сверстников, ребенок был склонен винить отца. Недовольство и взаимная предрасположенность к насилию усиливались в тех случаях, когда отец злоупотреблял алкоголем. Обращает на себя внимание, что тех, кто констатировал конфликтные отношения с отцом, на сельской местности больше, чем в городе (1,5% и 5,1%). В сельских районах ниже уровень жизни и выше уровень пьянства.

Необходимо отметить, что выявленная зависимость позволяет объяснить многие сложности, возникавшие в отношениях между родителями и детьми в начальный период реформ. Экономический коллапс привел к тому, что социально-экономический статус многих семей существенно понизился. Соответственно сузились возможности семей полноценно обеспечивать детей даже самым необходимым – одеждой, нормальным питанием, образовательными услугами. Нисходящая мобильность в экономическом измерении могла стать в некоторых случаях поводом для взаимного недовольства детей и родителей: дети все больше вовлекались в динамично развивающуюся культуру потребления, родители, сталкиваясь с необходимостью менять формы занятости, искать новые источники доходов, испытывали недовольствие по поводу того, что дети уделяли меньше внимания учебе, уходили от ответственности за себя и свое будущее. В этот период родители и дети жили в разных временных измерениях: дети ориентировались на ближнюю перспективу, на группу сверстников, для которых жизненные приоритеты заключены в потреблении, родители ориентировались на перспективу, стремились привить детям ценности образования, позволяющие выживать в условиях обостряющейся социальной конкуренции.

Отношения с матерью оцениваются респондентами как более благополучные. Около половины респондентов (49,4%) отметили, что в данном возрасте эти отношения были сердечными и понимающими, а 41,2%

охарактеризовали их как доброжелательные. И в этом случае образование и уровень жизни оказались факторами, определяющими значимые различия внутри изучаемой совокупности. В группе лиц с высшим образованием доля тех, кто оценил свои отношения с матерью как сердечные, понимающие, составила большинство, в группе имеющих среднее образование меньшинство (высшее – 55,7%, среднее – 48,3%). В доходном измерении различия еще более значимые: как и следовало ожидать, в благополучной группе доля тех, кто характеризует отношения с матерью как сердечные и понимающие, составила большинство (61,5%), в группе малообеспеченных – меньшинство (44,9%). В тоже время в группе низкодоходных заметно больше доля тех, кто полагает, что отношения с матерью были равнодушными (в группе бедных 10,9%, в группе обеспеченных – 2,6%).

Диаграмма 3. Отношения с матерью в зависимости от уровня жизни

Некоторое влияние на отношения респондента с его матерью оказывали и такие переменные, как возраст и пол. Выяснилось, что в самой молодой группе сердечные, понимающие отношения складывались чаще, чем в среднем по совокупности (51,9% и 49,4% соответственно). Женщины чаще, чем мужчины готовы были назвать эти отношения «сердечными, понимающими» (51,4%, 47,4% соответственно).

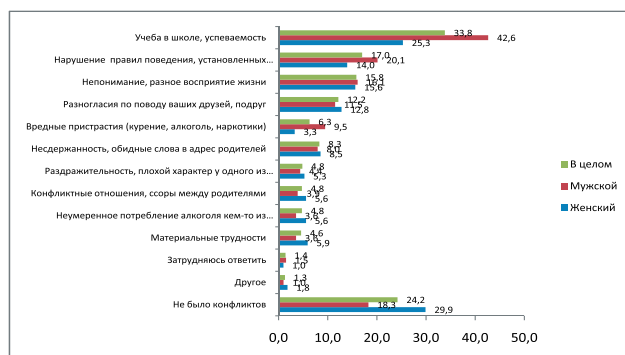
Результаты исследования дают возможность выделить в совокупности две полярные группы – тех, чья семья была полной, а отношения с родителями гармоничными, и тех, кто регулярно сталкивался с родительским равнодушием или даже неприязнью. В основании подобного деления лежит гипотеза о том, что ключевые характеристики отношений, складывающихся в родительской семье, ретранслируются затем в семью респондента, влияют, хотя и в разной степени на его отношения к собственным детям.

Причины конфликтов с родителями

Три четверти респондентов признают, что в подростковом возрасте конфликтовали с родителями и что поводом для конфликтов становилась школьная успеваемость.

Образование рассматривалось родителями как ресурс, способный в будущем обеспечить детям более высокий социально-экономический статус, дети же все чаще рассматривали школу как тяжкую обязанность, мешающую заниматься тем, что нравится – общаться в группе сверстников, осваивать компьютерные технологии, подрабатывать. О различиях ценностей как источнике конфликта говорит и то, что на вто-

Диаграмма 4. Поводы для конфликтов между детьми и родителями

ром и третьем местах оказывается такая причина ссор и конфликтов, как нарушение правил поведения, установленных в семье, и непонимание, возникавшее между поколениями в силу принадлежности к разным культурам – культуре потребления, призывающей увеличивать сферу досуга, и культуре труда и ответственности, заставляющей инвестировать в будущее.

Поощрения и наказания в родительской семье

В современной социологии тема социализации ребенка через поощрения или наказания относится к числу наиболее актуальных. В послевоенный период социологи в разных странах, но, прежде всего, в США и Германии, сфокусировали внимание на тех личностных типах, которые служат опорой для авторитарных режимов – таких, как нацистский режим в Германии. Благодаря этим исследованиям удалось установить, что склонность к насилию, включая насилие политическое, осуществляется благодаря распро-

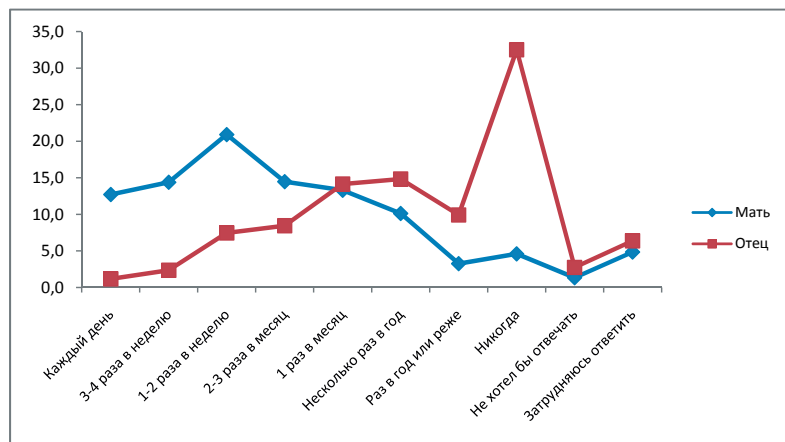
странению среди населения авторитарных комплексов². Эти комплексы рождаются и воспроизводятся в тех семьях, в которых отец имеет над детьми непререкаемую власть, использует по отношению к ним политику жестких ограничений и наказаний. Для того, чтобы изменить ситуацию, прекратить воспроизводство насилия, необходимо, полагают социологи того времени, гуманизировать сферу внутрисемейного воспитания, обеспечить преобладание политики поощрения над политикой наказания³. Для многих стран и, в том числе стран европейских, реализация подобного проекта предполагала, прежде всего, ограничение масштабов насилия внутри семьи – насилия по отношению к супругу или супруге, а также насилия по отношению к детям. Считалось также, что подобных целей можно добиться двумя способами. Во-первых, этого можно достичь посредством распространения знания о рациональных, гуманных методах воспитания, исключающих всякое насилие. Во-вторых, подобная цель может быть реализована, если государственные органы и гражданские организации будут общими усилиями осуществлять контроль над процессом воспитания в семье, держать в поле зрения неблагополучные семьи, склонные к насилию. Далеко не все общества безоговорочно приняли подобную стратегию ограничения насилия. В странах Европы и, прежде всего, странах северной Европы она была реализована в полной мере: любое покушение на права ребенка приводило и приводит к немедленному вмешательству со стороны органов опеки. В других странах, таких как США, реализация подобной политики сталкивалась с ограничениями, вызванными тем, что в этой стране семья рассматривается как столп общественной жизни и любое вторжение в ее жизнь со стороны государства приравнивается к нарушению гражданских прав.

В российском обществе тема борьбы с насилием внутри семьи только сейчас обретает ту степень значимости, которую заслуживает. Проблема обострилась в силу того, что в последнее время российское общество не столько приближается, сколько отдаляется от стандартов современности. В нем возрождаются, а зачастую и специально культивируются традиционные представления о семье и ее ролевой структуре. Положение усугубляется невысокими стандартами жизни подавляющего большинства россиян и сопутствующими материальному неблагополучию проблемами – пьянством, наркоманией, преступностью. Российская система образования находится в ослабленном состоянии и не может полноценно противодействовать негативной социализации, подразумевающей распространение насилия. Разные семьи по-разному ведут себя в подобных обстоятельствах: в одних

² Адорно Т. Исследования авторитарной личности. М. Серебряные Нити. 2001 г.

³ Corby B. Child Abuse. Towards a Knowledge Base. N.Y. Open University. P.177-201

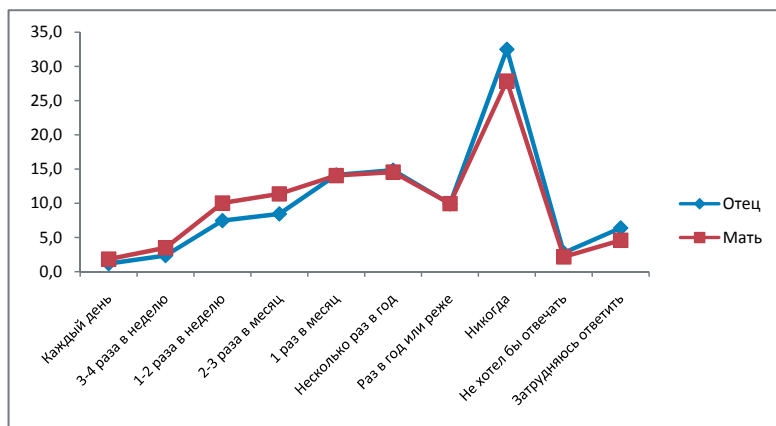
Диаграмма 5. Частота поощрений

увеличивается частота авторитарного насилия, в других, напротив, активнее используются практики поощрения ребенка.

Данные исследования обнаружили существенные различия между отцами и матерями в том, что касается частоты поощрения. Матери, с очевидностью, чаще делали акцент на политике поощрения детей, отцы прибегали к подобным стимулам реже. Показательно, что почти в трети всех семей отцы вообще никогда не поощряли своих детей за хорошее поведение.

Диаграмма 6. Частота наказаний в родительской семье

Следует напомнить, что имеются в виду не только материальные стимулы, но и вербальное поведение – словесная похвала. Вполне ожидаемо отцы в благополучных семьях поощряли детей чаще, чем это происходило в семьях малообеспеченных (один раз в месяц или чаще в благополучных семьях – 73,5%, в малообеспеченных – 56,2%). Матери в благополучных семьях поощряли детей с той же частотой, что и отцы (один раз в месяц или чаще – 76,6%). В неблагополучных семьях матери чаще прибегали к политике поощрений, чем отцы, но все же уступали по этому показателю матерям, принадлежащим к благополучной прослойке (один раз в месяц или чаще 65,2%).

Как видно из Диаграммы 6, родители прибегали к практикам наказаний с одинаковой частотой. Некоторые различия в частоте применения наказания характерны для отношений отца и матери с детьми разного пола. Так отцы чаще наказывали сыновей, чем дочерей (один раз в месяц или чаще – 40,4% и 27,0%). Матери чаще наказывали сыновей (один раз в месяц или чаще – 45,1%), но при этом чаще позволяли себе применять политику наказаний в отношении дочерей (36,7%). Складывается впечатление, что оба родителя чаще использовали практики наказания в отношении сыновей, чем дочерей.

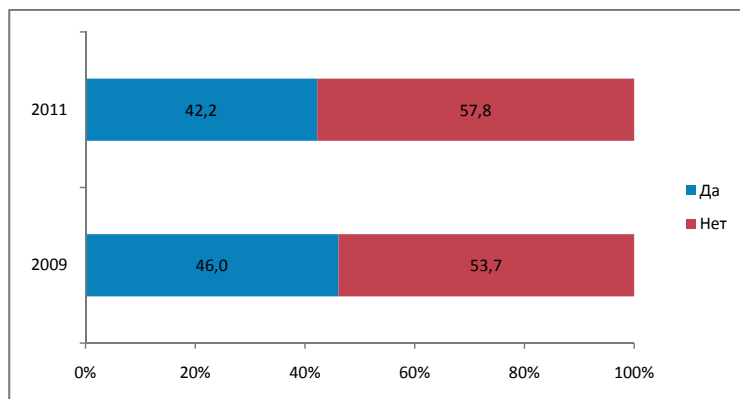
Распределение по уровню благополучия обнаруживает следующую закономерность: благополучные родители в обеспеченных семьях наказывали детей чаще, чем родители из неблагополучных семей. Благополучные семьи практиковали наказания один раз в месяц или чаще в следующем порядке: отец – 36,8%, мать – 45,5%. В неблагополучных семьях практики наказания распределялись следующим образом: отец – 33,7%, мать – 38,5%. Результаты исследования говорят о том, что а) в благополучных семьях чаще используется политика поощрения детей за хорошее, устраивающее родителей поведение и б) родители более внимательно следят за успехами своих детей и в тех случаях, когда дети ведут себя не так, как им хотелось бы, чаще прибегают к политике наказания.

Применение физических наказаний

В ходе исследования респонденты должны были ответить на вопрос о том, применялись ли по отношению к ним в детстве какие-либо виды физического наказания. Более 40% ответили на данный вопрос утвердительно.

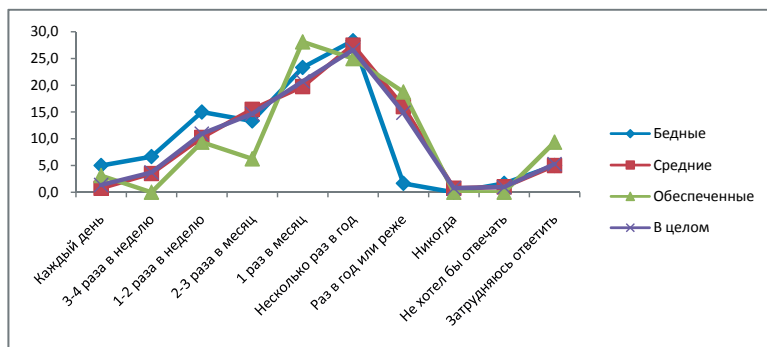
Сравнение данных исследований 2009 и 2011 года указывает на то, что доля родительских семей, в которых использовались физические наказания в отношении детей, за два года несколько сократилась. Величина, на которую уменьшилась эта доля, находится на грани статистической ошибки, неизбежной в тех случаях, когда сравниваются две случайные выборки. И, тем не менее, есть некоторые основания полагать, что зафиксированные различия реальны и действительно отражают некоторое, пока еще незначительное уменьшение уровня насилия по отношению к детям. Это возможное уменьшение может объясняться, во-первых,

Диаграмма 7. Наказывали ли респондента в детстве физически

дальнейшими структурными сдвигами, характерными для современного российского общества. В нем увеличивается доля городского населения, которому в большей степени, чем сельскому свойственна сдержанность в отношении практик физического наказания. И, наконец, могла сыграть свою роль более жесткая, менее компромиссная позиция органов опеки, которые государство ориентирует на борьбу с наиболее вопиющими нарушениями прав ребенка.

Диаграмма 8. Частота физических наказаний в родительской семье

Как следует из полученных данных, наибольшие различия по такому показателю, как частота наказаний наблюдаются в экономическом измерении. Обеспеченные респонденты, хотя и подвергались физическому наказанию, но случалось это реже, чем в семьях малообеспеченных

Таблица 2. Наиболее распространенные формы наказания в родительской семье (возможен выбор нескольких вариантов ответа)

	В целом	Пол	
		Мужской	Женский
		%	%
Наказывали ремнем	49,3	55,1	42,6
Ругали, громко отчитывали	44,4	47,5	40,9
Давали шлепки, подзатыльники	38,9	40,2	37,4
Запрещали гулять	32,3	33,0	31,5
Ставили в угол	28,8	24,6	33,6
Запрещали встречаться с друзьями, подругами	11,9	10,9	13,2
Запрещали смотреть телевизор, видео	6,1	6,2	6,0

респондентов (один раз в месяц или чаще в семьях малообеспеченных респондентов – 63,3%, в семьях обеспеченных – 46,9%). На частоту применения физических наказаний влиял и такой показатель, как место проживания респондента. В сельских семьях физическое наказание применялось чаще, чем в среднем по совокупности (раз в месяц или чаще – 57,6%), в городских реже (46,9%). Разнились социальные группы и по такому признаку как форма физического наказания.

Все виды наказания, которые родители применяли в отношении детей, можно поделить на несколько важных категорий. Во-первых, это уже упоминавшиеся физические наказания, к числу которых относятся порка, шлепки, подзатыльники или другие формы физического воздействия. Во-вторых, это ограничения разного рода, включая ограничения передвижения (ставить в угол, запрещать гулять, запрещение встречаться с друзьями или знакомыми). В-третьих, наказанием становилась политика ограничений по отношению к возможным развлечениям – запрет телевизора, видео или компьютерных игр. В-четвертых, в арсенале наказаний всегда находились традиционные способы коммуникационного воздействия, включающие в себя полный отказ от всякого общения или же отчитывание, общение на повышенных тонах. И, наконец, в-пятых, ребенка могли заставить в дополнение к уже имеющимся обязанностям выполнять какие-то домашние работы или физические упражнения.

Выясняется, что наиболее популярным средством воздействия на ребенка в родительской семье был ремень. Мальчиков подвергали порке чаще, чем девочек, во всем остальном они от мальчиков не отставали. Как и мальчикам, им доставались подзатыльники, их реже ругали, но чаще ставили в угол. Если подытожить, именно физическое наказание использовалось родителями респондентов чаще, чем другие возможные санкции. Гораздо реже использовались ограничения в передвижении или запреты на развлечения, реже применялась политика «исправительных работ». Чаще всего к ней прибегали семьи, живущие в сельской местности (в сельской местности – 6,0%, в городе – 1,7%). Там же, в сельской местности, чаще, чем в городе практиковались тяжелые, если не сказать жестокие формы наказания, например, избивание тяжелым предметом (деревня – 4,0%, город – 2,5%). На общем фоне обеспеченные респонденты отличаются от тех, кто относится к малообеспеченной категории только тем, что по отношению к ним реже применялась политика запретов. Что касается физического наказания, то оно применялось столь же часто, если не чаще.

Общий вывод из сказанного заключается в том, что в недалеком прошлом российское общество находилось на той стадии развития, когда физическое наказание детей считалось обыденным делом и применялось чаще, чем другие средства воздействия. На общем фоне выделяется группа обеспеченных респондентов, в числе которых доля тех, кого наказывали физически меньше, а набор средств воздействия, включая средства ненасильственные, – шире.

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ: СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ И НАСИЛИЕ

Эксперты о семейных практиках

По мнению экспертов, предрасположенность к насилию над детьми характерна для семей, отмеченных каким-либо видом социального неблагополучия: например, алкоголизированные семьи или семьи, в которых родители страдают наркозависимостью; неполные семьи; семьи, переживающие развод; семьи, испытывающие материальные трудности.

«В основном, как я уже сказала, это неблагополучные семьи, это злоупотребление алкоголем и наркотиками. Там, безусловно, присутствуют все три вида насилия. Потому что за детьми не смотрят, не ухаживают, не кормят, не одевают. То есть, дети полностью с рождения (в том числе и новорожденные, грудные дети) предоставлены сами себе». (Самара)

«В семьях с низкой культурой, в семьях, социально незащищенных, в семьях людей наркоманов, алкоголиков, бомжей и прочих». (Нижний Новгород)

Не все эксперты соглашались с тем, что насилие над детьми детерминировано социальным статусом родителей. С их точки зрения, в любой семье может возникнуть ситуация, в которой ребенок может стать жертвой насилия.

«Ну, тут трудно сказать, какие именно. Нет этого рецепта. Сегодня это может возникнуть в любой семье. В любой семье, где возникает непонимание, где люди не умеют общаться, они не умеют слышать друг друга, не умеют слышать ребенка». (Ижевск)

В равной степени насилие может наблюдаться и в семьях рабочих, и в семьях, в которых глава семьи занимает руководящую позицию в современной компании. Экономическое благополучие также не является для детей защитой от жестокого обращения со стороны родителей. Благополучная в материальном отношении семья – это гарантия только того, что ребенок не будет лишен необходимого.

«Как правило, в благополучных семьях такого не бывает, но не факт, что там не бывает как бы моментов жестокого отношения, то есть это тоже бывает – родители разные совершенно». (Санкт-Петербург)

Риски физического насилия возникают в разных социальных средах. Они постоянно присутствуют в материально неблагополучных семьях, но нередко дети подвергаются насилию в семьях вполне благополучных. Об этом свидетельствует статистика правоохранительных органов.

«Вы знаете, мне кажется, как это говорят, фифти-фифти. Хотя, конечно, вот общаясь там с директором, с заведующей... с главным врачом Дома малютки, да, вот приходишь к выводу, что все-таки неблагополучные семьи, они как бы составляют большую часть. А потом, когда, допустим, с прокуратурой, с правоохранительными органами, с полицией с той же, типа по-нынешнему, да? — нет, очень много детей из вполне благополучных, сытых, накормленных семей». (Тюмень)

Как отмечают некоторые эксперты, в зависимости от социально-экономического статуса семьи насилие может проявляться по-разному. Так, если бедность чаще ассоциируется с физическим насилием, то экономическое благополучие, обеспеченность – с моральным и психологическим.

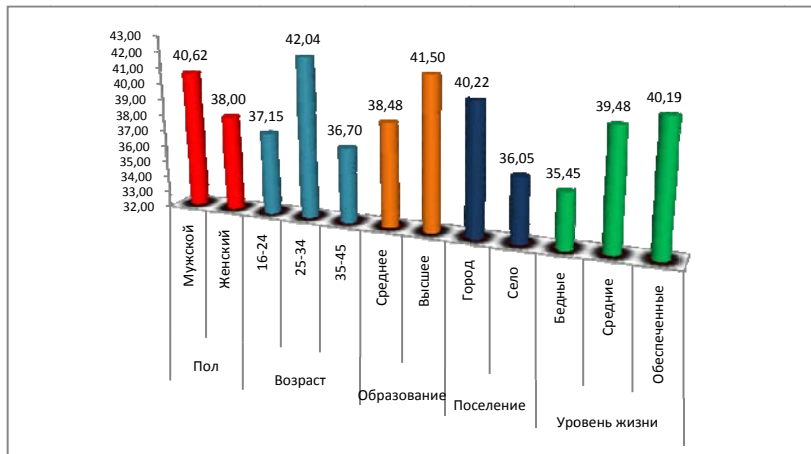
«Да, то есть семья может быть благополучная, замечательный доход, ребенок одет, обут, сыт, но при этом как бы составляющая... Не обязательно его избивают, но какое-то унижение он испытывает, то есть могут как-то... не считаться с его мнением, ограничивать в чем-то, то есть тут тоже все очень по-разному у всех происходит. Но внимание социальных служб, как правило, приковано к неблагополучным семьям, потому что как бы наиболее заметны такие случаи, проще всего там разобраться, решить, кто прав и кто виноват, и кардинально какие-то предпринять меры». (Санкт-Петербург)

Совместные семейные практики

Одной из стратегий противодействия семейному насилию могут быть совместные семейные занятия, вовлечение ребенка в совместную конструктивную деятельность, в ходе которой он естественным образом наследует не только ценности, но и культурные ресурсы родительской семьи. В прошлые эпохи процесс наследования осуществлялся через поколение. Дети оказывались на попечении не столько родителей, сколько дедушек и бабушек, подменявших родителей, занятых на производстве. По мере того, как российское общество индивидуализировалось, эпоха бабушек и дедушек, готовых к служению внукам, оставалась в прошлом. Как показывают данные исследования, бабушки и дедушки полноценно присутствуют в качестве воспитателей в абсолютном меньшинстве семей. Организация семейных практик целиком и полностью легла на плечи родителей. Родители реализуют идею совместных практик в разных формах и с разной степенью вовлеченности. В анализе полученной информации о совместных практиках использовался индекс занятости, суммирующий частоту совместного времяпрепровождения, находящийся в диапазоне от 0 до 100 баллов⁴.

Индекс позволил определить следующие тенденции. Существуют некоторые расхождения по данному показателю между мужчинами и жен-

Диаграмма 9. Индекс частоты совместных занятий (диапазон от 0 до 100)

⁴ Индекс рассчитывался по следующей формуле $\sum a_i / \text{Max}A * 100$, где a_i – величина частоты совместных занятий, рассчитанных по пятибалльной шкале для первого и второго ребенка, $\text{Max}A$ – максимальная величина, обозначающая частоту совместных занятий.

щинами. Мужчины несколько чаще занимаются с детьми, чем женщины. Данный результат идет вразрез с расхожими представлениями, но выглядит логичным на фоне других результатов: современным матерям приходится сочетать работу, ведение домашнего хозяйства и выполнение базовых функций ухода за детьми, в которые входит приготовление пищи, стирка одежды, слежение за здоровьем. В подобной ситуации совместные практики другого рода, не связанные с домашними обязанностями, не всегда возможны. Но даже на этом фоне отставание женщин от мужчин невелико, меньше, чем разрыв между группами молодых и среднего возраста родителей (самая молодая группа в расчет не берется, она слишком мала). Это может означать только то, что в самой молодой группе совместные практики вытекают из необходимости осуществлять первичную заботу о детях, еще очень зависимых от родителей. Родители в среднем возрасте получают некоторую долю самостоятельности, поскольку дети находятся либо на грани подросткового возраста, либо уже в нем. Считается, что в этот период, подросток все больше времени проводит со сверстниками и все меньше в родительской семье. Отсюда неизбежное сужение области совместных интересов: родители, если они ранее не научили ребенка слушать ту музыку, которую сами любят, не смогут находиться с ним на одной музыкальной волне. Реже происходят совместные вылазки на природу или чтение книг. Исключение составляют семьи, в которых в процессе социализации ребенок или дети приучаются на равных общаться со взрослыми, находят в них не только наставников и менторов, но и друзей, способных понимать все то, что происходит с молодым человеком в трудный для него период.

В ходе анализа все практики взаимодействия с детьми были поделены на следующие категории:

1. Культурно-ориентированные (К). В эту категорию входят практики, ориентированные на трансляцию следующему поколению культурного капитала родителей – совместное чтение книг, занятия компьютером, совместное прослушивание музыки, походы в музеи, концерты или театры, обсуждение семейной истории.
2. Развлекательные (R). В этом ряду находится совместный просмотр телепередач, сидение у телевизора, семейные путешествия, хобби или увлечения.
3. Ориентированные на спорт и физическое развитие (S). Родители и дети занимаются спортом, выбираются на природу.
4. Психологические, ориентированные на достижение взаимопонимания (P). Подобное общение происходит в тех случаях, когда родители обсуждают с детьми их проблемы, включая проблемы в школе, делятся с ними своими проблемами.

5. **Хозяйственные (Н).** В этой категории оказываются практики совместного ведения хозяйства, привлечения ребенка к работе в подсобном хозяйстве или выполнения работ по дому.

Информация по каждому из названных типов общения была формализована, превращена в соответствующие индексы, имеющие протяженность от 0 до 100. Оказалось, что значения индексов существенно различаются в зависимости от принадлежности респондента к социальной группе.

Значение индекса «К» обнаруживает существенные различия внутри совокупности в зависимости от возраста. Наиболее активная фаза совместных культурных практик наблюдается в возрастной группе от 25 до 34 лет. Активное приобщение детей к культуре свойственно группе, имеющей высшее образование и средний уровень доходов. Вопреки ожиданиям величина индекса «К» в группе обеспеченных даже несколько ниже, чем в группе «бедных». Диапазон индекса «R» колеблется от относительно высоких значений, наблюдаемых в группе с высшим образованием, а также в среде обеспеченных граждан, до низких значений в группе малообеспеченных и средневозрастной группе (35–45 лет). Необходимо подчеркнуть, что речь в данном случае идет о сфере, в которой любые совместные практики требуют немалых инвестиций: для малообеспеченной части населения даже поход в кино может оказаться не по карману. Занятие спортом – это та область жизни родителей и детей, где совместные практики реализуются наиболее часто. Наибольшую активность в этой сфере демонстрируют возрастная группа в возрасте 24–34 года и группа респондентов с высшим образованием. Наименьшую вовлеченность в совместные спортивные практики обнаруживают группа респондентов, живущих в сельской местности, и средневозрастная группа (35 - 45 лет).

Уровень включенности в практики психологического характера, подразумевающие обсуждение проблем, важных для детей и взрослых, наиболее высок в группе горожан, находящихся в возрасте 25–34 года, а также для средних и обеспеченных слоев населения. Следует понимать, что речь идет о практиках в так называемой предпоздковой группе (до 12 лет), в которой проблемы детей еще неотделимы от проблем родителей. В более продвинутом возрасте практики, предполагающие самораскрытие, случаются существенно реже.

Индекс вовлеченности в совместные хозяйственные практики имеет более высокие значения, чем другие. Основными проводниками подобных практик являются женщины, респонденты в возрасте 24–35 лет, люди с высшим образованием и средним уровнем обеспеченности. В этой группе с наибольшей вероятностью происходит процесс передачи хозяйственных навыков от матерей дочерям. Девочки учатся вести домашнее хозяйство, брать на себя обязанности по приготовлению пищи или уходу за жилищем.

Таблица 3. Индексы частотности совместных практик

	В це- лом	Пол		Возраст			Образование		Поселение		Уровень жизни		
		Мужской	Женский	16-24	25-34	35-45	Среднее	Высшее	Город	Село	Бедные	Средние	Обеспеченные
K_index	34,1	34,0	34,2	28,4	36,4	33,3	33,7	35,9	34,8	32,1	32,4	34,3	31,7
R_index	32,0	33,3	31,2	32,4	33,8	30,1	31,3	34,8	33,1	29,3	29,1	32,2	37,2
S_index	47,4	48,2	46,8	46,0	52,0	43,2	46,5	50,7	48,3	44,8	44,3	47,8	46,0
P_index	37,2	38,3	36,3	33,6	37,8	37,8	37,0	37,8	38,0	34,9	35,2	37,2	38,1
H_index	56,3	53,7	58,6	43,7	60,0	56,8	55,8	58,0	56,1	57,0	51,3	57,7	47,1

Показательно, что данный индекс относительно невысок в обеспеченной группе. В ней совместные хозяйственные практики маловероятны, поскольку сами родители стараются переложить хозяйственные заботы либо на организацию сферы обслуживания, либо на прислугу.

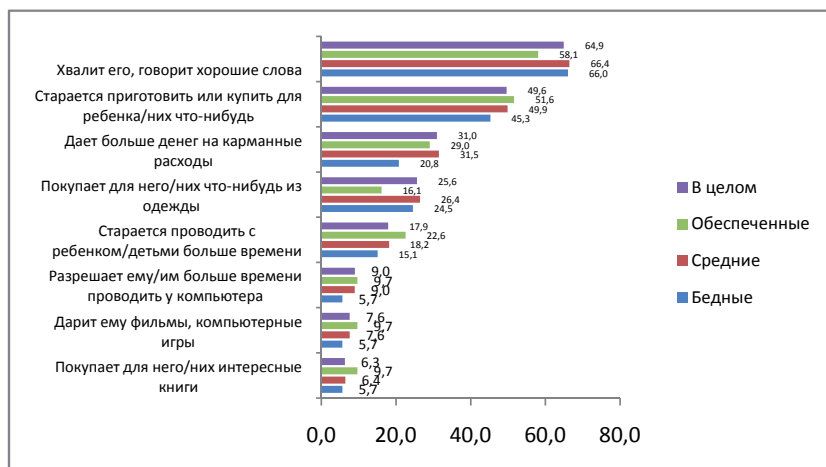
Формы поощрений

Подавляющее большинство респондентов (97,2%), имеющих детей, утверждают, что поощряют детей за хорошие поступки.

Наиболее часто используется вербальное одобрение действий ребенка. Второе место прочно занимают потребительские практики в прямой или опосредованной форме. Ребенку что-то покупают или готовят, в некоторых случаях дают денег на карманные расходы, приобретают что-то из одежды. Вознаграждение в форме совместных практик крайне редко рассматривается как адекватное ситуации. Так, в качестве поощрения редко фигурируют такие занятия, как совместные походы в кино (2,6%), занятия спортом (1,3%) или организация совместного путешествия, туризм (5,4%). Это говорит о том, что в российских семьях отношения между родителями и детьми все чаще переводятся в инструментальную сферу. Родители, нагруженные материальными заботами, передают собственные материальные приоритеты следующему поколению. Не удивительно поэтому, что каждое следующее поколение становится в подобных обстоятельствах более материалистичным и прагматичным.

Структура поощрений в семьях верующих респондентов несколько отличается от соответствующей структуры в семьях неверующих. В среде верующих больше тех, кто поощряет детей (верующие – 98,2%, неверую-

Диаграмма 10. Формы поощрения ребенка

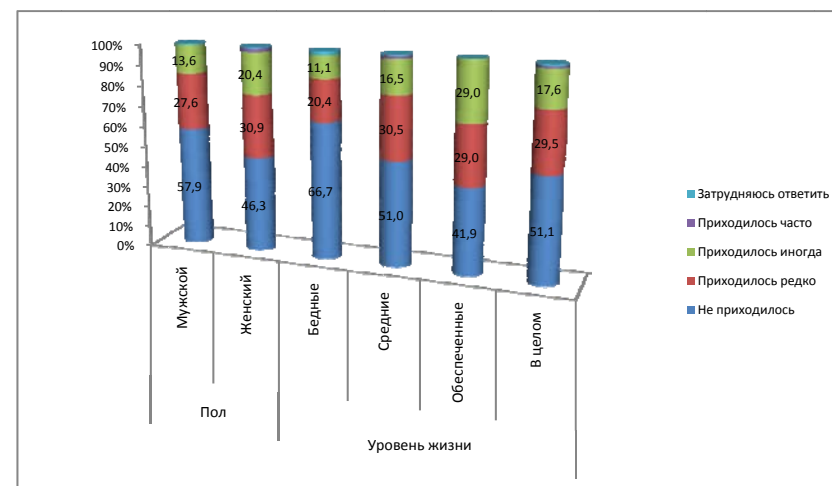
щие – 92,9%). Они отличаются от неверующих и тем, какие формы поощрения выбирают. Так верующие реже «откупаются» от детей, увеличивая сумму денег, выделяемую на карманные расходы (верующие – 27,6%, неверующие – 44,8%). При этом в группе верующих больше тех, кто в качестве поощрения старается проводить с ребенком больше времени (19,3% и 12,4%), приготовить для него какое-то вкусное блюдо (верующие – 51,0%, неверующие – 43,8%). В этой группе несколько больше тех, кто хвалит ребенка, говорит в его адрес хорошие слова (верующие – 65,7%, неверующие – 61,9%).

Причины и формы наказаний

В тех случаях, когда поощрения не работают, в дело вступает практика наказания, зачастую физического. Примерно половина респондентов признались, что, воспитывая детей, систематически прибегали к методам физического воздействия на них.

Две переменные, как оказалось, влияют на применение физического наказания в наибольшей степени – пол и уровень благополучия. Вопреки ожиданиям женщины чаще прибегали к физическому наказанию, чем мужчины. О причинах подобного явления говорилось выше. Женщины чаще, чем мужчины берут на себя всю полноту ответственности за воспитание детей. В случае развода ребенок, как правило, остается с матерью, а отец отдаляется от ребенка и всех его проблем и забот. Исследование 2009 года показало, что в большинстве случаев в разведенных семьях присутствие

Диаграмма 11. Частота применения методов физического наказания

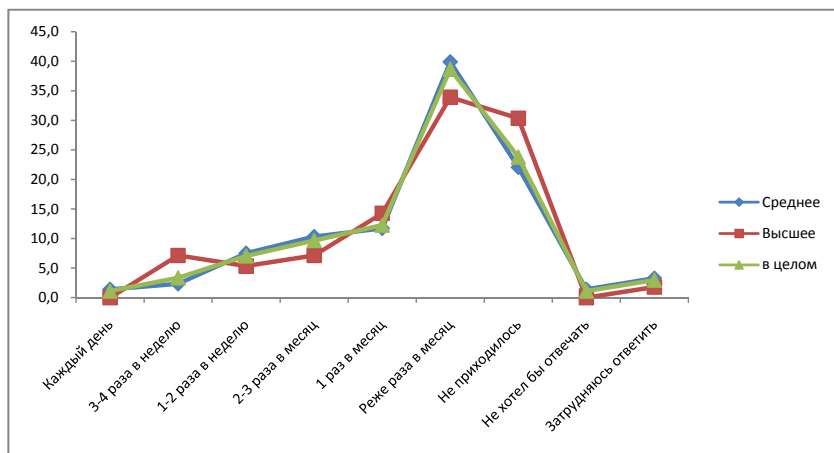
отца в жизни ребенка становится со временем все более эфемерным. В подобной ситуации женщины должны собирать в своих руках все функции поощрения и наказания ребенка. В арсенале средств воздействия на него нередко оказывается и физическое насилие: около трети женщин прибегали к нему редко, а около одной пятой – иногда.

Второй парадоксальный результат заключается в том, что доля респондентов, прибегавших к методам физического воздействия на ребенка, в группе обеспеченных родителей больше, чем в группе «бедняков». Согласно полученным результатам, состоятельным родителям чаще, чем родителям из других социальных страт, свойственен высокий уровень заинтересованности в сохранении семейных социальных достижений. В российских условиях процесс воспроизводства интеллектуальных ресурсов серьезно осложняется, во-первых, кризисным состоянием школьного образования. Среднему классу приходится инвестировать немалые дополнительные средства для того, чтобы сохранить или умножить семейный интеллектуальный капитал. Во-вторых, стремление к воспроизводству интеллектуальных ресурсов все чаще входит в противоречие с господствующей потребительской культурой. О том, что подобная культура преобладает в обществе, говорят практики поощрения детей, реализуемые самим средним классом. Возникает напряжение между разными типами культуры – молодежной потребительской культурой и культурой класса, акцентирующей интеллектуальное достижение. Это напряжение нередко разрешается в актах

насилия и принуждения, с помощью которых обеспеченный слой населения хотел бы удержать ситуацию воспроизводства под контролем.

В развитие вопроса об использовании насилия респондентам был задан еще один вопрос – о том, как часто они прибегают к насилию за последние шесть месяцев. Вопрос был адресован только тем респондентам, которые имели несовершеннолетних детей.

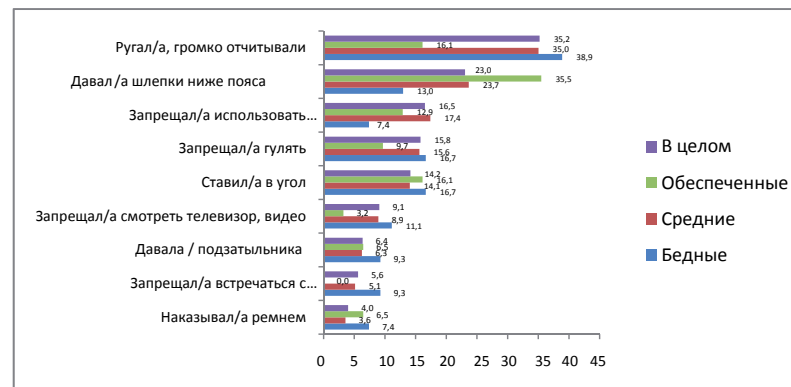
Диаграмма 12. Частота использования насилия за последние 6 месяцев (в группе тех, кто прибежал к физическому наказанию)

Как показало исследование, 72,1% процентов тех, кто в принципе когда-либо применял физическое наказание, прибегли к подобным методам за последние шесть месяцев. Из них 33,5% пользовались подобными методами воздействия раз в месяц или чаще. На первый взгляд, доля участвующих в практике физического принуждения может показаться незначительной. На деле, с учетом возрастного фактора (физически наказывают главным образом детей в возрасте от 3 до 12 лет) доля практикующих физическое насилие раз в месяц или чаще равна 37,0%.

Результаты исследования дают возможность поместить физические насилие в общую структуру разных видов наказания. Наиболее распространенным видом воздействия на ребенка является отчитывание, громкая ругань. Обращает на себя внимание то, что обеспеченные респонденты прибегают к нему существенно реже, чем малообеспеченные. На втором месте – шлепки ниже пояса, которые активнее применялись обеспеченными респондентами, чем бедными. Далее следуют разного рода запреты,

Диаграмма 13. Виды наказаний, применявшиеся респондентом за последние 6 месяцев

а также ограничение пространства и наказание ремнем, которые, как видно из данных, в малообеспеченных семьях использовались чаще.

Некоторые различия свойственны «наказываемому» поведению верующих и неверующих. В целом верующие наказывают детей физически так же часто, как и неверующие, но в ряду причин в группе верующих чаще, чем в группе неверующих становится несоблюдение ребенком правил поведения (верующие – 37,7%, неверующие – 44,0%), но чаще – школьная успеваемость (верующие – 15,6%, неверующие – 11,9%).

Диаграмма 14. Виды наказаний, применявшиеся другими членами семьи за последние 6 месяцев

Наказывают ребенка не только респонденты, но и другие члены семьи – супруг, супруга, старшее поколение. Можно предположить, что в некоторых семьях в практиках наказания реализуется стратегия разделенных ролей. К примеру, один из супругов – это «добрый родитель», который в основном поощряет ребенка за достижения, а в случае плохого поведения ограничивается порицанием. Второй супруг играет дисциплинирующую роль, берет на себя функцию исполнения наказаний, если ребенок провинился. Как правило, подобное разделение функций воспитания реализуется в семьях, в которых ярко выражена лидирующая, если не сказать авторитарная роль одного из родителей. В подобной ситуации второй родитель имеет возможность смягчать последствия наказаний, налаживать с ребенком гибкие отношения, не всегда регулируемые формальными нормами.

Как и респондент, другие члены семьи чаще всего прибегали к отчитыванию, громко ругали ребенка за совершенный им проступок. На втором месте – шлепки ниже пояса, на третьем – практики запретов. В 2% случаев кто-то из других членов семьи наказывал ребенка ремнем, примерно такой же была доля тех, кто давал ребенку подзатыльник.

Как правило, воздействуя на ребенка, респондент и другие члены семьи предпочитали действовать в одном ключе. Высокая степень синхронности практик наказания наблюдается и по таким видам, как пощечины и шлепки ниже пояса (47% и 40% соответственно). Наиболее высока степень синхронности по такому виду наказания, как громкое отчитывание. В группе тех, кто применял подобный тип наказания, в 60% случаев точно также действовал кто-то из других членов семьи. Если респондент прибегал к физическому наказанию, например, использовал ремень, то другие члены семьи вели себя мягче – отчитывали ребенка или налагали на него разного рода ограничения. В более чем трети подобных случаев, другие члены семьи вообще старались не наказывать ребенка.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: в общественном сознании закрепилось деление наказаний на «жесткие» и «мягкие». К «жестким» наказаниям относится, к примеру, порка ремнем. В этом случае ожидается, что другие члены семьи будут уклоняться от насилия, прибегая в основном к практикам наложения запретов. Если же респондент использовал «мягкие» виды наказания, в числе которых оказались шлепки ниже пояса или подзатыльники, то другие члены семьи оставляли за собой право вести себя точно также, не ограничивая себя в средствах воздействия на ребенка.

Справедливость наказания

Важный вопрос заключается в том, какие причины заставили родителя прибегнуть к наказанию ребенка. Надо понимать, что далеко не всегда ребенка наказывают за действительно серьезные проступки. Случается, что он попадает под «горячую руку», что у родителя плохое настроение,

Таблица 4. Причины, побудившие к наказанию (допустимы не более 3 вариантов ответа)

	В целом	Пол		Уровень жизни		
		Мужской	Женский	Бедные	Средние	Обеспеченные
Нарушение ребенком дисциплины	40,4	37,9	42,2	32,0	40,7	53,6
Невыполнение ребенком требований родителей	39,0	44,4	35,3	40,0	38,4	39,3
Грубость, невоздержанность ребенка по отношению к родителям	16,0	12,1	18,6	10,0	16,5	17,9
Плохая успеваемость ребенка	14,8	13,1	16,0	10,0	15,5	10,7
Усталость, раздражительность, вызванная ею	7,1	4,7	8,8	6,0	7,8	3,6
Нужда, материальные трудности	3,3	2,3	3,9	6,0	3,1	0,0
Без повода, попался под «горячую руку»	1,7	0,5	2,6	2,0	1,6	0,0
Ссоры между взрослыми членами семьи	1,2	1,4	1,0	2,0	0,9	0,0
Употребление спиртных напитков кем-то из членов семьи	0,6	0,5	0,7	0,0	0,7	0,0
Другое	3,1	1,9	3,9	6,0	3,1	0,0
Не хотел бы отвечать	3,5	5,1	2,3	6,0	3,5	0,0
Затрудняюсь ответить	13,3	15,0	12,1	20,0	12,2	17,9

связанное с неприятностями во внешнем мире. Далеко не у всех родителей получается проложить разделительную полосу между внешним миром, наполненным разнообразными раздражителями, и семьей, детьми.

Родители утверждают, что в том, что практики наказаний были использованы, виноват чаще всего сам ребенок. Основные претензии к нему, ставшие поводом для применения карающих мер, – это нарушение дисциплины и невыполнение родительских требований. При этом матери чаще всего наказывали ребенка за нарушение дисциплины, а отцы – за невыполнение родительских требований. В обеспеченной группе респонденты ссылались на нарушение дисциплины чаще, чем в группе малообеспеченных, в этой группе и группе респондентов со средним уровнем жизни чаще наказывали ребенка за грубость, нетактичное поведение в отношении родителей. В сумме наиболее серьезной причиной, приводящей к конфликтам, является нарушение детьми установленного родителями нормативного порядка. Родители рассматривают соблюдение правил как один из важных моментов социализации: ребенку, не усвоившему необходимость подчиняться нормам, действующим в обществе, грозит опасность стать изгоем, маргиналом, лишенным всяческих жизненных перспектив. Родителям, настаивающим на соблюдении норм, движет «социальный инстинкт», стремление обеспечить ребенку полноценную адаптацию в «большом мире».

Не всегда, однако, практики наказания имеют в основании лишь благие намерения. В 7,3% случаев (8,8% среди матерей) причиной наказания становилась усталость, раздражительность родителя; 3,3% (6% в группе малообеспеченных) подвергали ребенка наказанию только потому, что испытывали общую неудовлетворенность жизнью, спровоцированную нуждой, материальными трудностями. В некоторых случаях (1,7%, в целом, 2% в группе бедняков) ребенок просто попадался под «горячую руку», иногда (1,2%) его наказывали лишь потому, что взрослые ссорились, а он оказывался в пространстве между конфликтующими сторонами. Симптоматично еще и то, что 3,5% выбрали вариант ухода от ответа, а 13,3% – затруднились назвать причину, по которой подвергли ребенка наказанию.

Родители осознают, что не всегда, не во всех случаях наказание соответствовало тяжести проступка, совершенного ребенком.

Только примерно треть опрошенных настаивала на том, что всегда, во всех случаях ребенка наказывали в той мере, в которой он этого заслужил. Примерно четверть опрошенных утверждала, что наказание соответствовало тяжести проступка, но случалось, что оно было либо чрезмерным, либо недостаточным. Примерно каждый седьмой респондент поделил случаи наказания на две половины: в некоторых случаях наказание было заслуженным, соответствовало тяжести проступка, в других определялось инерцией взаимоотношений с ребенком.

Диаграмма 15. Соответствие наказания тяжести совершенного проступка

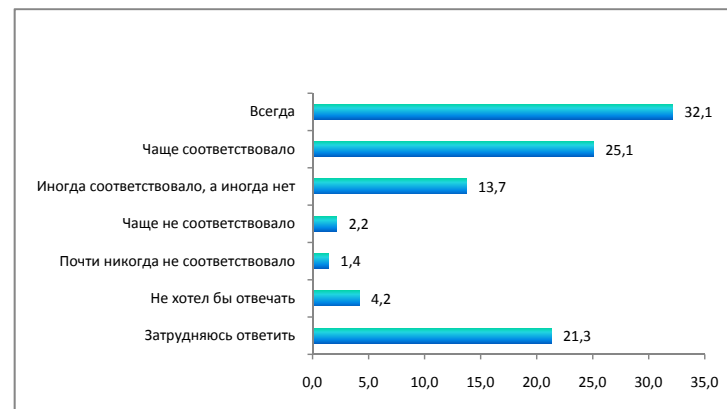
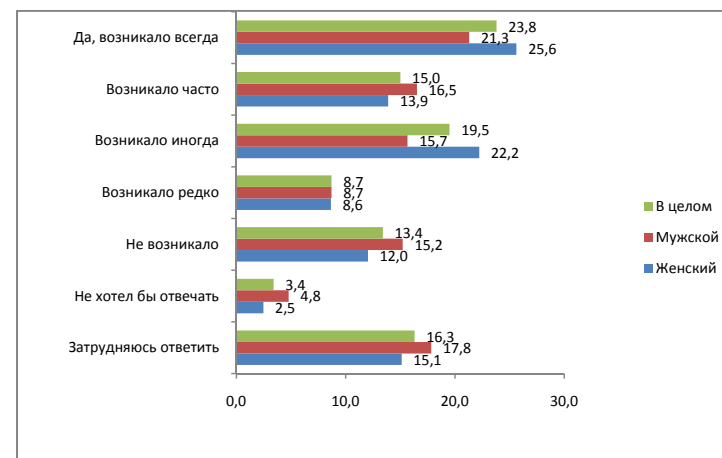

Диаграмма 16. Возникло ли чувство сожаления после наказания

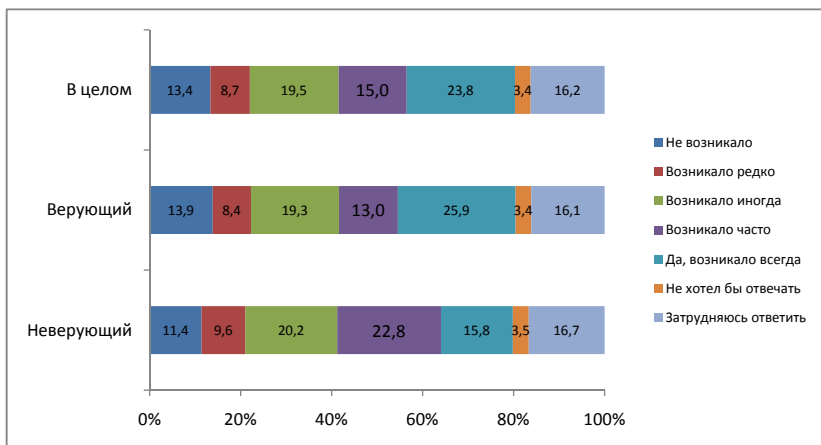

Только 15,2% мужчин и 12,0% женщин не испытывали какого-либо сожаления по поводу наказания, которому они подвергли своих детей. У примерно каждого пятого отца и каждой четвертой матери сожаление всегда следует за наказанием. У каждого шестого мужчины и каждой седьмой женщины раскаяние переживается часто, у каждого шестого мужчины и каждой пятой женщины – иногда. Женщины испытывают чувство сожаления чаще, чем мужчины,

по-видимому потому, что более импульсивны, эмоциональны, чаще действуют под влиянием обстоятельств, не имеющих к ребенку прямого отношения.

По-разному воспринимают данную ситуацию верующие и неверующие. Верующие чаще испытывают сожаление по поводу произошедшего.

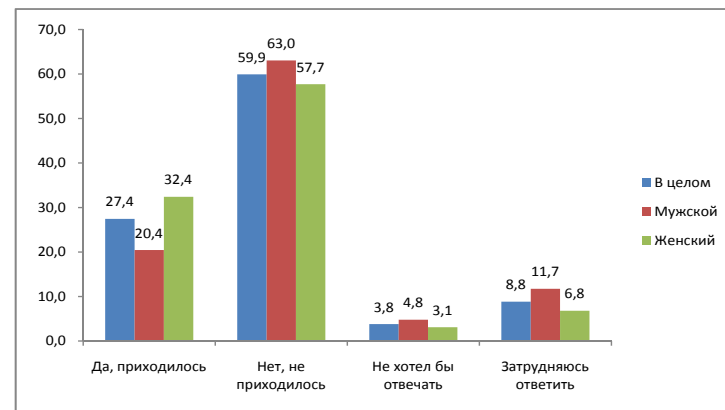
Диаграмма 17. Частота сожаления по поводу применения наказания: деление на верующих и неверующих

Как видно из результатов исследования, верующие существенно чаще раскаиваются в том, что наказывали ребенка. Однако доля тех, кто просил у ребенка прощения в этой группе такая же, как и в группе неверующих. Можно предположить, что в большинстве случаев верующие, как и неверующие переживают данную ситуацию как внутренний конфликт, опасаясь при этом нарушать сложившуюся в семье систему статусов.

Около пятой части мужчин и трети женщин признались, что просили у детей прощения за то, что были слишком жестоки с ними. Соответственно 63,0% мужчин и 57,7% женщин не делали этого. Этот вопрос оказался болезненным для 16,5% мужчин и 9,9% женщин. На общем фоне выделяется обеспеченная прослойка: в ней факт раскаивания с последующим обращением к ребенку за прощением признали только 6,5%, но при этом 22,6%, – больше, чем в любой другой категории, – выбрали вариант уклонения от ответа. Взрослые неохотно признают себя виноватыми перед детьми, в культуре взрослого населения России бытует представление о том, что родитель, наказывая ребенка, исходит из лучших побуждений и уже поэтому он прав даже тогда, когда несправедлив. В российской культуре сохранились, пережив период перехода к модерну, некоторые патриархальные ценности, согласно которым родитель должен во всех обстоятельствах занимать по

Диаграмма 18. Приходилось ли просить прощения у ребенка

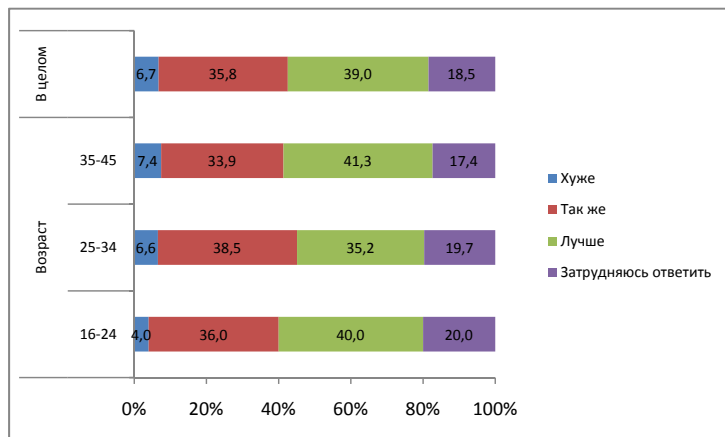
отношению к ребенку доминирующую позицию. В этих ценностных координатах извинение перед ребенком за нанесенную ему травму приравнивается к потере статуса, нарушению семейной ролевой структуры, в которой родитель господин своему ребенку. Именно этим соображением руководствуются 42,0% опрошенных, когда утверждают, что никогда не расходятся во мнении с другими членами семьи в отношении физического наказания, назначаемого ребенку. 16,6% констатируют, что этот вопрос, хотя и нечасто, но все же вызывает в семье противоречия, а 19,9% признают, что расхождения иногда случаются. В 13,2% случаев противоречия по поводу физического насилия над детьми возникают либо часто, либо всегда, когда оно применяется. В этих случаях есть основания говорить о серьезных ценностных противоречиях внутри семьи, разных взглядах на проблемы воспитания детей.

Культурная динамика внутрисемейных отношений

Современным родителям свойственно считать, что они воспитывают своих детей лучше, чем предыдущее поколение. Наибольшие расхождения по данному вопросу обнаруживаются в возрастном измерении.

В старшей возрастной группе несколько больше, чем в других доля тех, кто признает, что воспитывает своих детей хуже, чем предыдущее поколение воспитывало своих детей. При этом больше, чем в других группах доля тех, кто считает, что делает это лучше, чем родители. Эта группа находится в более выгодном положении, чем другие. Именно она имеет возможность «пожинать плоды» воспитания, осознать, насколько эффективными оказались предшествующие периоды жизни.

Диаграмма 19. Воспитание детей в сравнении с родителями

Схожие результаты получены по вопросу о различиях между поколениями в строгости воспитательной политики: 41,6% опрошенных родителей убеждены, что относятся к своим детям мягче, чем поколение родителей, 31,4% полагает, что их отношение к детям такое же и 17,4% признают, что более строги к детям, чем их родители, остальные уклонились от ответа. Данная структура сохраняется и тогда, когда задается вопрос о вербальном насилии: 42,7% полагают, что кричат на своих детей реже, чем родители кричали на них, 22,9% – с той же частотой и 17,4% – чаще. На общем фоне выделяется группа обеспеченных респондентов, в которой 51,4% полагают, что покрикивают на детей реже, чем родители кричали на них.

Логично предположить, что, говоря о гуманизации воспитательного процесса, родители стремятся приукрасить общую картину. Но и это стремление может рассматриваться как опережающее по отношению к действительности желание уменьшить объем насилия в отношении детей, построить отношения с детьми на разумных цивилизованных основаниях. Налицо эволюция семейных ценностей, изменение приоритетов воспитания, которое со всей определенностью повлияет на то, как будут складываться отношения с детьми в российских семьях в будущем.

ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ

Эффективность наказания

Респондентам в исследовании предлагалось оценить эффективность различных форм воспитания, выбрать методы, которые могли бы привести ребенка к послушанию в том случае, если он грубит, нарушает дисциплину. Изначально предполагалось, что выбор наказания зависит от того, какие методы воспитания позволяют в кратчайшие сроки получить необходимый результат. Выбрав те методы, которые он считает наиболее эффективными, родитель затем определяется с ценностной структурой воспитания. Действительно, если эффективными могут быть только методы физиче-

Таблица 5. Эффективность методов наказания (средняя величина по трехбалльной шкале, стандартное отклонение)

	В целом		16-24		25-34		35-45	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Дать пощечину, дернуть за уши	2,74	0,53	2,77	0,51	2,74	0,51	2,71	0,56
Громко отчитать, отругать	2,04	0,75	2,00	0,76	2,06	0,75	2,08	0,74
Запретить гулять	1,91	0,75	1,88	0,76	1,94	0,75	1,91	0,75
Запретить использовать компьютер, выходить в Интернет	1,87	0,77	1,87	0,74	1,87	0,79	1,86	0,78
Поставить в угол	1,85	0,73	1,88	0,73	1,86	0,73	1,79	0,74
Шлепнуть ниже пояса	1,82	0,70	1,81	0,69	1,85	0,70	1,81	0,70
Отказать в карманных деньгах	1,78	0,76	1,87	0,76	1,69	0,76	1,78	0,75
Запретить смотреть телевизор, видео	1,77	0,73	1,73	0,72	1,88	0,74	1,72	0,71
Запретить встречаться с друзьями	1,77	0,74	1,73	0,74	1,75	0,76	1,82	0,73
Наказать ремнем	1,58	0,74	1,59	0,76	1,60	0,75	1,56	0,72

Заставить мыть посуду, убирать квартиру	1,56	0,69	1,62	0,70	1,51	0,68	1,53	0,70
Запретить играть в игрушки	1,56	0,68	1,56	0,67	1,62	0,73	1,49	0,64
Отказ разговаривать, общаться	1,51	0,70	1,52	0,71	1,49	0,71	1,50	0,68
Дать подзатыльник	1,46	0,64	1,47	0,64	1,46	0,63	1,46	0,65
Отказать в помощи в уроках, других делах	1,33	0,60	1,35	0,60	1,32	0,60	1,30	0,59
Заставить делать физические упражнения	1,32	0,59	1,33	0,58	1,33	0,59	1,31	0,61
Выругать бранным словом	1,31	0,54	1,32	0,56	1,30	0,53	1,31	0,54
Запереть на время одного в комнате	1,29	0,55	1,32	0,58	1,28	0,55	1,26	0,53
Заставить посещать дополнительные занятия	1,27	0,55	1,27	0,56	1,28	0,55	1,25	0,54
Подержать впроголодь	1,19	0,52	1,21	0,53	1,17	0,50	1,17	0,51
Угрожать выгнать из дома	1,18	0,48	1,21	0,52	1,16	0,46	1,18	0,46
Ударить каким-нибудь предметом	1,18	0,49	1,19	0,49	1,19	0,50	1,18	0,48
Угрожать острым предметом	1,16	0,50	1,17	0,53	1,14	0,46	1,17	0,51
Уронить, бросить на пол	1,14	0,45	1,14	,45	1,14	,44	1,15	0,46

ского насилия, то было бы нелогично от них отказываться в ценностном плане. Это было бы равнозначно сознательному отказу от родительского статуса, от тех задач адаптации ребенка к нормативному порядку, которые общество возлагает на любого родителя.

Эффективность метода оценивалась по трехбалльной шкале, на которой наиболее эффективными считались методы, которые «всегда приводят ребенка к послушанию», методами средней эффективности – те, что иногда

приводят ребенка к послушанию, а иногда нет, и неэффективными – те меры, которые никогда не дают желательного результата.

Наиболее популярной мерой «приведения ребенка в чувство» считается в родительской среде пощечина, таскание за уши. Следует отметить, что этот метод одинаково популярен во всех возрастных группах. Средние оценки этого метода сопровождаются невысоким стандартным отклонением, что еще раз подтверждает высокую степень согласия по данному вопросу. На втором месте – отчитывание, которое, как уже известно из данных исследования, родители используют в целях воспитания наиболее часто. Далее идет запрет на использование компьютера – новое средство воздействия, популярность которого объясняется все более широким распространением компьютерных и сетевых технологий, включая компьютерные игры. Далее идет относительно традиционный метод, практикуемый российскими семьями на протяжении многих десятилетий – ограничения движения, постановка в угол, которая активными детьми воспринимается особенно болезненно. Примерно вровень с постановкой в угол оценивается эффективность дисциплинирующего шлепка ниже пояса, а также отказ в карманных деньгах – серьезная кара в обществе, ориентированном на потребление. Такие меры, как ограничения движения применяются к детям до 10 лет, отказ в карманных деньгах, как правило, в более старшем возрасте (10–14 лет). Серия запретов, включая запреты на просмотр телевизионных передач, также запрет встречаться с друзьями, закрывает список мер воздействия, оценка которых колеблется в диапазоне от средних до высоких значений.

Наименьшая эффективность свойственна, полагают респонденты, методам воздействия, предполагающим либо жестокое обращение, либо полный разрыв коммуникаций. Респонденты полагают, что целей воспитания не достигнуть, если бросать ребенка на пол, угрожать ему острым предметом, держать впроголодь, угрожать изгнанием из дома или запирать одного в комнате. Это означают, что крайние формы насилия, полный разрыв коммуникаций рассматривается населением как неоправданные с рациональной точки зрения. Если подобные методы все же применяются, то причину следует искать в том, кто к ним прибегает, его невротической, несоизмеримой реакции на детей.

Необходимо отметить, что мнение населения об эффективности мер воздействия в целом совпадает с мнением родителей. Последние также убеждены в том, что если ребенка дернуть за уши, то это может привести его в чувство, а если громко отчитать, то он, возможно, почувствует себя виноватым и станет вести себя лучше. Родители точно также убеждены, что жестокость неэффективна, а переход за грань разумного в плане действий или угроз не приносит искомого результата. Расхождение между населением и родителями наблюдается только в одном пункте – отношении к отказу в кар-

манных деньгах. Население оценивает эффективность этого метода выше, чем родители (1,90 и 1,69). В целом родители оценивают наказание как такое более низкой суммарной оценкой, чем население (36,9 и 38,3 балла)⁵. Можно предположить, что различия обусловлены тем, что родители более реалистичны. Они понимают, возможно, что современные дети отличаются от детей прошлого тем, что с ранних лет индивидуалистичны и чаще рассматривают отношения с родителями как взаимодействие, в котором каждая из сторон имеет права и обязанности.

Точка зрения верующих на эффективность наказания в целом не отличается от мнения неверующих. Различия касаются только некоторых пунктов. В группе верующих меньше тех, кто убежден в эффективности отказа ребенку в карманных деньгах (верующие – 27,8%, неверующие – 26,6%). При этом среди верующих больше тех, кто считает, что эффективным может быть отчитывание ребенка, его выругивание (верующие – 32,6%, неверующие – 24,0%).

Высокий уровень согласия по поводу необходимости и достаточности разных мер наказания подтверждается статистическими показателями. Уровень согласия между данными показателями оказался равным 0,87, притом, что максимальная его величина равна 1⁶. В нашем случае величина Альфа оказалась равной 0,87, притом, что ее гипотетическое самое высокое значение равно 1.

Для выявления типичных представлений об эффективности разных видов наказания в исследовании был выполнен факторный анализ. Данная процедура дает возможность получить на выходе «типы», представленные комбинацией включенных в уравнение переменных. Не всегда эти типы получаются четкими. В нашем случае более высокий уровень контрастности данных был получен, благодаря специальным процедурам, увеличивающим различия между уровнем представленности переменных в каждом факторе (вращение Varimax). Структура предпочтений, которую производит данный тип анализа, будет несколько утрированной, но все же вполне показательной для изучаемой совокупности. На выходе было получено три более или менее сильных фактора, равных по весу (от 13% до 17% совокупной дисперсии признаков), и два типа, заведомо более слабых, чем первые три (7% и 9,2% соответственно).

Рассмотрим более подробно три первых фактора. Первый фактор (назовем его «Насильник») отмечен высокими нагрузками переменных, характеризующих крайние формы жестокости и насилия – бросание на пол, угроза острым предметом, держание впроголодь, угроза выгнать из дома. В противоположность к фактору находится переменная, подразумевающая нанесение лег-

ких, символических побоев – пощечину, дерганье за уши. Эти меры, полагает «Насильник», не могут рассматриваться как эффективные: только крайние формы насилия, жесткие угрозы способны привести ребенка в чувство. Тот факт, что данный фактор оказался на первом месте в ряду других факторов говорит не столько о многочисленности данной группы, сколько о степени ее единодушия по поводу допустимости насилия. Данная группа велика, но она существует и готова применять те методы воспитания, которые считает правильными. Второй фактор воплощает собой точку зрения тех, кто уверовал в эффективность политики запретов («Запретитель»). В нем наибольшие нагрузки приходятся на такие переменные, как запреты на гуляние, встречи с друзьями, просмотр телевизора, компьютер и Интернет. Показательно, что политика запретов в том идеальном типе, который представлен данным фактором, исключает любые формы насилия. В третьем типе («Тренер») наиболее весомо представлены такие формы наказания, как физические упражнения в сочетании с легкими формами насилия («подзатыльник»). В четвертом факторе («Воспитатель детсада») – а он, как уже сказано выше, относится к числу слабых, – признается эффективность, прежде всего, легких форм насилия – громкое отчитывание, постановка в угол и шлепок ниже пояса. Пятый, самый слабый из факторов («Коммуникатор») ставит выше всех других эффективность мер, нацеленных на разрыв коммуникаций, – отказ разговаривать, отказ в помощи в уроках, отправку ребенка на дополнительные занятия. В отместку за плохое поведение предлагается формализовать, хотя бы на время, отношения с ребенком.

В большинстве факторов, отражающих типологические характеристики массового сознания, физическое насилие рассматривается либо как единственный способ добиться от ребенка послушания, либо как способ, который нужно использовать в комбинации с другими, более «мягкими» методами. Основные типы различаются лишь в понимании того, какая форма насилия допустима, и как она может и должна сочетаться с другими формами наказания.

Эксперты о культуре насилия в России

В ходе ответа на вопрос о том, что в России способствует жестокому обращению с ребенком, эксперты обратили внимание на несколько характеристик российской культуры. Первый аспект касается закрепленного на уровне культуры механизма воспроизводства негативных воспитательных практик. Эксперты отмечали, что люди, которые в детстве воспитывались с применением физических наказаний, подвергались со стороны родителей какому-либо виду насилия, склонны считать подобную модель нормой воспитания. Своих детей они воспитывают так же, как воспитывали их.

⁵ Имеется ввиду сумма всех оценок, выносимых разным методам наказания.

⁶ Используется величина Альфа Кронбаха, определяющая меру согласия по разным вопросам, наблюдаемую в изучаемой совокупности.

«Методы воспитания, которые из поколения в поколение передаются. Что «меня били, и я буду бить»». (Санкт-Петербурге)

«Во-вторых, значит, те родители, которые в свое время в семье подвергались насилию, или они видят, что отец его может применить насилие по отношению к матери, значит, такой ребенок считает, что это нормально, да? Нормально, и он это насилие уже выносит на улицу, в детско-подростковую среду. И когда вырастает, сам становится родителем, он тоже считает, что вот ведь ничего страшного». (Ижевск)

«Мне кажется, это идет все от истоков, из семьи. Как правило, это недостаточно воспитание в самой семье. Люди копируют в дальнейшем поведение. То, как с ними поступали их родители, как правило, практикуется и в своей семье». (Казань)

Массовое воспроизводство негативных воспитательных практик становится отчасти возможным благодаря второму аспекту российской культуры, который заключается в толерантном отношении к физическому наказанию, признанию за физическим наказанием возможности производить благотворный воспитательный эффект. Эти установки в отношении физических наказаний закреплены на уровне языка, нормированы в форме пословиц и поговорок.

«Ну, бьет – значит, любит. Это в отношении партнерских отношений. Ребенка нужно воспитывать ремнем: голова не понимает – попа поймет, если применять этот жаргон. «Меня били – я вырос хорошим человеком. Бить буду – и мои дети вырастут хорошими людьми». Эта толерантность к физическому наказанию детей на таком уровне...». (Барнаул)

«Вот эти вот розги, о которых мы читаем, которые во всей классической литературе, они начинаются в школах, в семье, в традиционной крестьянской семье – это вот наказание – оно было традиционным, и они считали, что есть положительный эффект». (Москва)

Толерантность к физическому наказанию и насилию оправдывается в речах представителей элиты, рассказывающих, как отцовский ремень сделал из них человека. Некоторые представители элиты своим жизненным примером, успехом одобряют и доказывают правильность и эффективность подобного метода воспитания.

«И в качестве педагогических практик многие ведущие деятели, лидеры всегда говорят вот, что «меня человеком сделал ремень». (...) «Вот благодаря ему я стал кем-то». То есть это считается нестыдным это сказать, и это посыл на то, что как бы разрешается так делать». (Барнаул)

Третий фактор культурного плана, располагающий к насилию, – это отсутствие в российской культуре уважения к личности, ее неприкосновенности и ценности.

«Ну, у нас изначально нет уважения к личности, понимаете? У нас гуманизм не привит как-то в обществе. У нас авторитарный стиль руководства много лет был, и он до сих пор продолжается. Это удобно. Им удобно управлять: гаркнул, приказал – все испугались. На испуг, на кнут легко реагировать. На кнут. Никто не хочет кнутом по спине получать. Все хотят же пряника. А вот с пряником труднее». (Барнаул)

Помимо отмеченных выше трех аспектов, существуют и другие факторы, побуждающие к насилию. Ряд экспертов отметили, что склонности к насилию способствует агрессивная информационная среда. По их мнению, нынешнее российское информационное пространство переполнено насилием: его можно встретить как на страницах печатных СМИ в виде сообщений об убийствах, грабежах, несчастных случаях и т. д., так и на экранах телевизоров – в художественных телефильмах, выпусках новостей, ток-шоу, и на экранах мониторов домашних компьютеров – в компьютерных играх, в контенте Интернета. Подобная насыщенность насилием делает его привычным фактом повседневной жизни, снимает защитные барьеры и формирует дополнительную толерантность к насильственному действию, которая и так изначально присутствует в российской культуре.

«Я думаю, что, к сожалению, в нашем обществе сложилась система ценностей вот не в пользу как раз какого-то нормального воспитания. Ну, возьмем наше телевидение, возьмем наши газеты-таблоиды, где тема насилия преподносится чуть ли не как привлекательный момент к заманиванию телезрителей, за этим стоят деньги, реклама и так далее. То есть примеры, которые мы видим каждый день, если телезрщик у нас стоит в квартире, если доступ детей к нему не ограничен, если там в различных фильмах насилие подается как само собой разумеющееся, как обычное явление, – что должны усваивать, какие уроки получают наши дети?» (Ижевск)

Факторами, способствующими жестокому обращению с детьми, являются социальные проблемы, характерные для современного российского общества – алкоголизм, наркомания, бедность.

«Жестокому обращению?.. В российской культуре?.. Наверное, пьянство родителей, если это касается именно вот наших детей». (Казань)

«Алкоголизм родителей, социальная необустроенность семей... Может быть, невысокий доход наших семей. Разводы: многочисленные дети рождаются в неполных семьях, либо матери-одиночки. Очень много социальных причин. В основном – социальная необустроенность». (Нижний Новгород)

«Пьянство. Это раз. Невоспитанность самого человека. Его образовательный и культурный уровень. Наркомания, само собой, идет. Это все – пьянство, наркомания. Может быть, болезнь взрослых, которая влияет на общее состояние человека. Он болен нервно-психологическим заболеванием, и он этого не знает, и не лечится. А регулировать свои действия, контролировать он не может. Я считаю, что эти причины могут вызвать насилие». (Самара)

Эксперты об обстоятельствах, провоцирующих насилие

Эксперты указали на ряд жизненных обстоятельств, которые могут провоцировать насилие над ребенком. Первую группу обстоятельств можно условно обозначить как «социальный стресс». К этой группе относятся обстоятельства, связанные с социальной неустроенностью, с прессингом неудовлетворительных жизненных условий: например, низкий материальный статус семьи, безработица, необходимость для родителей работать на нескольких работах, чтобы прокормить семью, плохие жилищные условия. Подобные обстоятельства, связанные с общей неблагоприятной социально-экономической ситуацией в российском обществе и требующие от взрослых повышенного нервного напряжения, оборачиваются стрессом, который вольно или невольно сказывается на детях.

«...Такой низкий жизненный уровень, трудная жизненная ситуация, в которой находятся... оказываются сегодня семьи с детьми, потому что у нас достаточно большое количество семей в городе ниже прожиточного минимума; сегодня где-то порядка двадцати шести тысяч семей проживает. То есть цифра довольно большая». (Ижевск)

«На моем опыте, чаще всего это было только, знаете, социальное неблагополучие. Когда семья изначально такая... неблагополучная, да, когда сложное материальное положение, когда родители малограмотные». (Москва)

«Это, конечно же, низкий уровень экономической стабильности в семье, то есть это отсутствует, если родители не работают долгое время, то есть это такие социальные проблемы людей сегодня, житейские, которые касаются многих, то есть родители не работают, теряют работу – естественно, они теряют много того, что они могли бы дать детям». (Нижний Новгород)

«И нищета. Не везде нищета. А нищета на каждом уровне запросов. Это и 3 тысячи – нищета, и 15 тысяч нищета, когда запрос хотя бы на 30, и получил два высших образования, а вместо аэрокосмического университета и какой-то лаборатории ты идешь торговать мобильниками, у тебя жена и двое детей, ты взял ипотеку, а тут кризис, и тебя высе-

ляют из квартиры, которую ты уже почти оплатил, заплатил проценты. И ты лишаешься всех денег и квартиры. Конечно, люди начинают пить, срывать злобу на тех, кто подворачивается под руку». (Самара)

Ко второй группе относятся обстоятельства, связанные с внутрисемейными неурядицами: развод родителей, одинокое родительство; повторный брак одного из родителей, при котором не складываются отношения между ребенком и отчимом (мачехой); просто напряженные, конфликтные отношения между родителями, когда ребенок становится свидетелем или участником ссор, размолвок, напряженного выяснения отношений между родителями.

«Опять же, конфликт между родителями, потому что, на мой взгляд, жестокость по отношению к детям порождается прежде всего тем, что нет между родителями взаимопонимания и хорошего отношения». (Ижевск)

«Это постоянные скандалы. Даже могут быть не на основе пьянства, а на основе состояния друг к другу, отношения друг к другу. Или какие-то внутренние конфликты между супругами, которые выливаются в нервозность и вызывают даже конфликтную ситуацию». (Самара)

Как правило, внутрисемейные неурядицы оборачиваются для детей в первую очередь психологическим насилием. Причем, эксперты отмечают, что ситуация, когда при разводе ребенок становится орудием, используемым родителями в борьбе друг с другом, становится все более характерной для экономически благополучных семей.

Третья группа обстоятельств, отмеченных экспертами, связана с личностными проблемами и личностной несостоятельностью взрослых. Речь идет о семьях, в которых один из родителей или оба страдают каким-либо видом зависимости: алкогольной или наркозависимостью.

«Обстоятельства жизненные – это родители асоциального поведения. Если они ведут асоциальный образ жизни, то для них норма – ударить, вообще норма». (Барнаул)

«Асоциальная среда, алкоголь, наркомания. Когда просто не до ребенка, он воспринимается как помеха, досадная помеха в жизни. И тогда при наличии допинга в крови мешающий, плачущий, желающий есть ребенок воспринимается как помеха. Поэтому его бьют или вообще вышвыривают». (Самара)

К этой же группе относятся ситуации, при которых родители, испытывающие личностную нереализованность, возлагают надежды и предъявляют завышенные требования к своим детям, связывают с ними свои честолюбивые помыслы. Оказывая на них сильное психологическое давление, при-

нуждая к определенным занятиям, родители пытаются добиться от своих детей значительных достижений, чтобы они в своей жизни осуществили то, что не удалось самим родителям.

«...Каждый человек ищет определенную значимость. И если человек – родитель – не нашел себя в этом обществе, не нашел себя как личность, как родитель, как просто хороший сосед. (...) Хороший сотрудник, работник, то, естественно, в нем возникают определенные комплексы. Или не сбылись его мечты, например... И очень часто бывает, что родитель, если его мечты не сбылись, он пытается это переложить на своих детей. Это тоже насилие, очень яркое. И, естественно, когда родитель не нашел в себе вот этих всех внутренних моментов, то есть он закрылся в себе, закрылся во всем своем, ушел в скорлупку, он может совершать насилие над своим ребенком». (Казань)

«А если он не с ограниченными возможностями, но, скажем не соответствует ожиданиям родителей в плане темперамента – например, родители спокойные, он очень активный, родители очень подвижные, ребенок медлительный, – то есть какие-то вот особенности личностные ребенка могут спровоцировать насилие... по ситуации...» (Барнаул)

Допустимые пределы насилия

Вопрос об отношении к насилию задавался респондентам с двухлетним промежутком – в 2009 и 2011 годах.

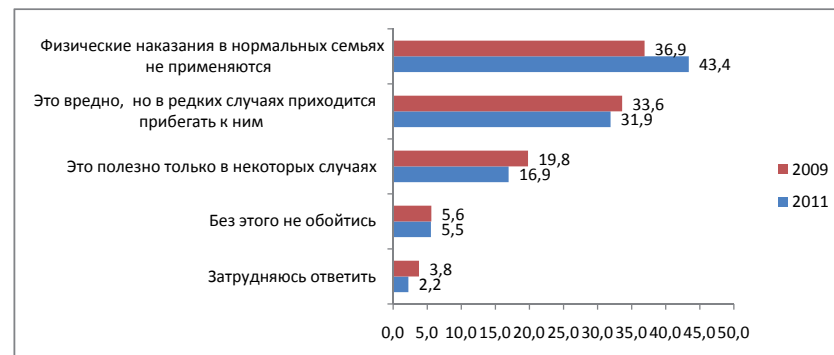
Полученные результаты говорят о том, что в общественном сознании происходят сдвиги в пользу отрицания любых форм насилия. В 2009 году доля тех, кто считал, что физические наказания вредны и не могут быть использованы в процессе воспитания, составила чуть более трети от всей совокупности. В 2011 году она увеличилась до 43,4%. Одновременно несколько сократился процент тех, кто полагает, что физическое наказание может применяться в ограниченных случаях, и количество тех, кто считает, что иногда оно может быть полезно. При этом количество тех, кто рассматривает физическое воздействие как неизбежность, осталось на прежнем уровне. Из данных следует, что эволюционируют в сторону отказа от насилия те категории населения, которые и прежде испытывали сомнения в его пользе.

О том, что физические наказания в принципе невозможны для мальчиков, заявили 42,6%. Кроме того, 12,5% затруднились определить свою позицию. В результате оказалось, что идею физического наказания для мальчиков поддержало меньшинство – 46%.

Физическое наказание для девочек признали недопустимым в принципе 50,7%, при этом 13,8% воздержались от ответа. Доля тех, кто выступил в поддержку подобного наказания, оказалась равной 35,5%.

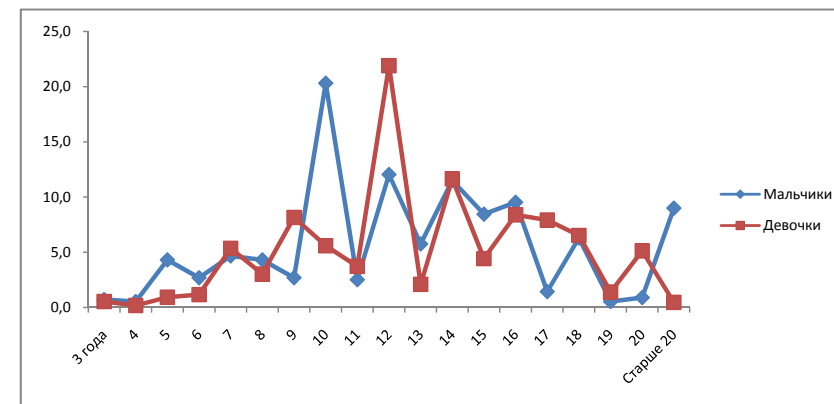
В группе тех, кто поддержал идею физического наказания для мальчиков, средний возрастной предел наказания обозначен как 12 лет, в группе девочек – 11 лет 6 месяцев.

Диаграмма 20. Отношение к физическому наказанию детей в семье

В рядах, поддерживающих физическое наказание для мальчиков наиболее популярна точка зрения (на языке статистики – мода), согласно которой сыновей можно наказывать до примерно десяти лет. Для девочек мода равна 11,5 годам. В обоих случаях респонденты соглашались в том, что предел физическому насилию должен лежать в начале переходного возраста. Доля тех, кто уверен в том, что угроза физического насилия может быть воспитательной мерой и в более поздних возрастах, относи-

Диаграмма 21. Возрастной предел для наказания мальчиков и девочек.

тельно невелика – менее трети всей совокупности тех, кто в принципе поддерживает идею наказания.

Согласие с утверждениями

Склонность к физическим наказаниям и еще шире – к физическому насилию – выявлялась в исследовании с помощью ряда утверждений, уровень согласия с которыми фиксировался по пятибалльной шкале.

Из результатов следует, что респонденты соглашались с позитивными высказываниями, ориентирующими родителя на любовь к детям, поощрение хорошего поведения, запрет на физическое наказание чаще, чем с утверждениями, в которых поддерживается идея насилия. Наибольшую поддержку получило утверждение о том, что ребенка воспитывают не слова, а поступки. Подавляющее большинство опрошенных полностью согласилось с тем, что родители должны поощрять детей, если те ведут себя хорошо. Наиболее низок уровень согласия с утверждением, в котором отстаивается идея порки розгами – физического наказания для ребенка. На оценку повлияла скрытая в нем архаика: розги в настоящее время не используются даже теми, кто практикует физическое наказание. Из утверждений, в которых пропагандируется идея насилия, наибольшую поддержку получило «маскулинное», утверждающее, что «мальчик не вырастет настоящим мужчиной, если не может постоять за себя в драке». В данном утверждении неявным образом заявлен стереотип «настоящего мужчины» – человека, способного к агрессии, хотя бы и ответной.

Некоторые из утверждений оценивались респондентами в 2009 году. Это позволяет определить, во-первых, меняются ли ценностные представления населения по поводу насилия над детьми, и, если меняются, то каков масштаб этих изменений.

Необходимо подчеркнуть, что в 2009 году уровень согласия населения с утверждениями, осуждающими насилие над ребенком, был практически на максимуме возможных значений. В 2011 году он не изменился: подавляющее большинство опрошенных осуждают насилие над беззащитным ребенком, а также соглашались с тем, что поступки родителей оказывают на ребенка большее влияние, чем слова.

Роль государства: мнение экспертов

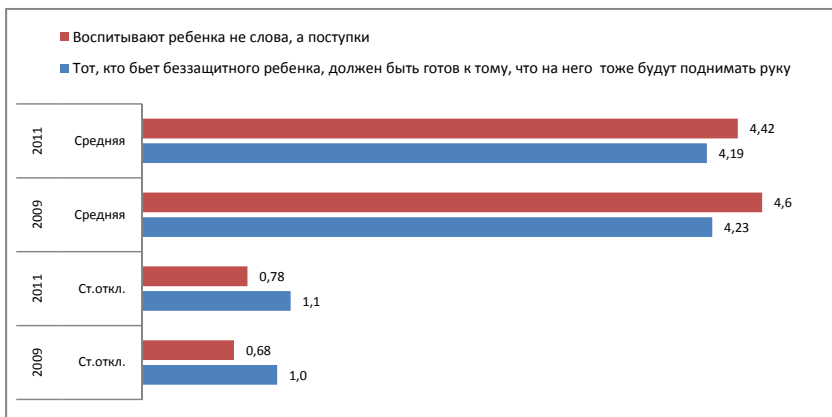
В настоящее время семья представляет собой закрытый социальный институт, неприкосновенность которого охраняется законом. Государство, полагают эксперты, не может вмешиваться в дела семьи, если у государственных органов нет для этого достаточных оснований. Такими основаниями могут быть сигналы, поступающие от учреждений, в обязанности которых входит осуществление социального контроля над семьей: медицинские учреждения, школа, правоохранительные органы, социальные

Таблица 6. Согласие с утверждениями (средняя по пятибалльной шкале)

	В целом	Бедные	Средние	Обеспеченные
Воспитывают ребенка не слова, а поступки	4,42	4,31	4,44	4,32
Если дети ведут себя хорошо, родители должны их поощрять	4,40	4,35	4,39	4,51
Если детей любят, они возвращают любовь. Если им ничего не дается, им нечего возвращать	4,36	4,29	4,37	4,39
Тот, кто бьет беззащитного ребенка, должен быть готов, что, когда он станет старым, на него тоже будут поднимать руку	4,19	3,99	4,23	3,97
Родители должны действовать в интересах ребенка, даже если эти действия вызывают его недовольство	4,02	4,01	4,04	3,76
Нельзя допускать, чтобы дети в своем кругу выясняли отношения дракой, насилием	4,02	3,92	4,02	3,99
Мальчишка не вырастет настоящим мужчиной, если не может постоять за себя в драке	3,72	3,78	3,71	3,74
Родителю не следует перехваливать детей, чтобы не избаловать их	3,51	3,62	3,48	3,60
Родители имеют право отшлепать ребенка, если он грубит им	3,30	3,49	3,26	3,36
Иногда нужно отшлепать ребенка, чтобы заставить его слушаться родителей	3,11	3,26	3,07	3,13
Пожалеешь розгу – испортишь дитя	2,51	2,79	2,47	2,36

службы. Аналогичные сигналы могут исходить от граждан: соседей по дому, друзей, родственников. Сигнал – это информация о неблагополучной ситуации, в которой находится ребенок. Такой информацией может, к примеру,

Диаграмма 22. Согласие с утверждениями в 2009 и 2011 гг.

стать сообщение медицинских работников, осуществляющих патронаж над семьей, в которой воспитывается новорожденный – о ненадлежащем уходе, несбалансированном питании, непосещении медицинского учреждения, несделанных прививках. Сигналом к проверке семьи может послужить звонок от соседей, сообщающих о том, что в соседней квартире все время плачет ребенок. Основанием для вмешательства государства может служить поступивший сигнал из школы о том, что у ребенка резко изменилось поведение, об имеющихся у него синяках и ссадинах, о его неопрятном, неухоженном виде. Иначе говоря, одна из важнейших задач государства, полагают эксперты, заключается в том, чтобы собирать информацию, свидетельствующую о ситуациях риска.

«Ну, эта грань изначально, если видно по ребенку, что как-то себя неадекватно стал вести, какие-то у него телесные повреждения – государство сразу должно вмешиваться». (Тюмень)

Вместе с тем, как считают некоторые эксперты, определяемый на законодательном уровне социальный механизм контроля над семьей дает сбой на уровне практического применения. Во-первых, люди и организации, в обязанности которых входит выявление ситуаций социального неблагополучия, порой не выполняют свои функции должным образом. В ходе интервью приводился пример из практики, когда ребенок погиб потому, что

социальные службы не поставили вовремя его семью на учет как неблагополучную. Школьные учителя, которые должны сигнализировать о неблагополучных ситуациях с учениками, порой пренебрегают этой функцией в силу объективных причин:

«У нас часто учителя обращают внимание, что у ребенка следы побоев? Они часто спрашивают? У них вообще-то есть возможность? Это все настолько системные и взаимосвязанные вещи. У самого учителя, получающего 6 тысяч рублей, у него есть душевные силы заниматься чужими детьми, помимо проведения уроков математики, и вникать, как ему живется, приходят ли ночевать домой его родители, кто его кормит, и так далее? Конечно, нет». (Самара)

Во-вторых, данный социальный механизм срабатывает вхолостую в тех случаях, когда используется самими детьми для запугивания родителей. И в ходе интервью эксперты рассказывали о подобных случаях:

«Ситуация была, рассказываю. Пришли родители. Девочка пятнадцати лет. Все подружки обеспеченные: ездят летом в Таиланд, в Турцию, ну, куда-то их возят отдыхать. Девочка потребовала путевку в Таиланд. Родители сказали: «У нас нет таких денег. С чего ты взяла, что мы тебя отправим? Тебе пятнадцать лет – потерпишь. Ну, еще потерпишь немножко. Подожди уж хотя бы...» Как бы не совсем отказали, но, тем не менее. А она сказала: «Хорошо, я вам устрою». Она пошла, нажала лавалась на них – они пятнадцать суток сидели – пятнадцать суток! – в изоляторе за заявление, которое она написала». (Барнаул)

И в-третьих, государство задает определенный стандарт обеспечения ребенка, но уклоняется от ответственности за создание социально-экономических условий, в которых этот стандарт мог бы быть реализован родителями.

«Если бы государство создавало условия для нормального развития семьи, тогда бы не возникла необходимость паллиативных мер. (...) Если они живут впятером на площади 22,5 квадратных метра, что там еще законодательно регулировать? Государство не выполняет свои обязательства перед малоимущими людьми, но при этом собирается дополнительно регулировать и обязывать кого-то. Это совершенно не с того края». (Самара)

Таким образом, по мнению экспертов, с одной стороны, государство обязано вмешиваться в дела семьи при поступающем сигнале об угрозе жизни и здоровью ребенка; с другой стороны, существует ряд социальных рисков, при которых данный социальный механизм может использоваться не по назначению.

По мнению ряда экспертов, в настоящее время в российском обществе существует одна эффективная форма вмешательства государства – изъятие ребенка из семьи. Данная мера эффективна по нескольким причинам. Во-первых, она позволяет радикально решить проблему домашнего насилия в конкретном случае. Во-вторых, в некоторых случаях изъятие ребенка из семьи и лишение родительских прав мобилизует родителей, побуждает их к исправлению.

«Да, я уже коснулась. Значит, ну, уже если речь идет о жестоком обращении, когда есть угроза жизни и здоровья – конечно, самый эффективный метод – это изъятие ребенка из семьи. У нас сегодня есть такая практика, когда родители не справляются со своими обязанностями и когда ребенок безнадзорен, когда он голоден. Но есть два выхода. Мы ребенка из семьи изымаем, помещаем его в наши учреждения – специальный реабилитационный центр, например. Мы занимаемся ребенком, и одновременно мы занимаемся семьей. То есть вот главная задача сегодня – заняться этой семьей. Вот. Поэтому изъятие из семьи – наиболее эффективная мера конечно, в случае, когда есть жестокое обращение». (Ижевск)

Вместе с тем, по мнению экспертов, подобная форма имеет ряд побочных эффектов. Прежде всего, ни одно воспитательное учреждение, какие бы замечательные условия проживания ни создавало, не может заменить ребенку семью и родителей.

«Как бы то ни было, ребенок, независимо от того, сколько мама пьет, любит маму. И забирать из семьи ребенка – это такой момент, очень сложный. Потому что непонятно, где ему будет лучше: в детском доме или в родительской семье». (Казань)

Известно, что воспитанники таких учреждений не получают необходимых социальных компетенций и, выходя из воспитательного учреждения, остаются социально неадаптированными к условиям проживания в современном социуме. И наконец, не всегда изъятие ребенка из семьи и лишение родительских прав заставляет родителей мобилизоваться: зачастую государство только облегчает им жизнь, освобождая от ответственности за ребенка.

По мнению экспертов, необходимо модернизировать механизмы вмешательства государства в дела семьи, создать службы, которые включали бы в себя психологическое консультирование, оказание помощи семье в решении тех социально-экономических проблем, с которыми она столкнулась. В этом смысле задача государства формулируется как создание факторов поддержки, создания возможностей, инструментов для исправления, для решения возникающих проблем.

«Мое субъективное мнение – что отъем ребенка из семьи, да, изъятие ребенка из семьи не является очень эффективным. Мне кажется, основную работу нужно проводить с семьей. И помочь семье, родителям выбраться из этой сложной жизненной ситуации, которая у них сложилась, протянуть руку помощи. Вот мое субъективное мнение именно такое». (Москва)

«Во-первых, государство, конечно, должно обустривать быт детей, обязательно, обустривать быт взрослых, обязательно должна быть социальная помощь. Наше государство должно быть все-таки социальным. Я считаю, что недостаточное внимание уделяет государство семьям, особенно семьям с детьми». (Нижний Новгород)

Другое возможное направление – это побуждение к ответственности, оказание давления на асоциальных родителей. Оно может включать в себя такие меры, как принудительное лечение от алкоголизма и наркомании в купе с исправительными работами. При этом заработанные нерадивыми родителями деньги должны отчисляться их детям, находящимся в воспитательном учреждении.

И третье направление, которое государство должно развивать, – это просветительская деятельность: родительству необходимо учить точно так же, как любому другому ремеслу. Родителей нужно обучать, как грамотно выстраивать отношения с ребенком по мере его взросления, как контролировать свои эмоции, как предупреждать ситуации, которые могут разрешиться насилием.

«Мне хотелось бы, чтобы какие-то, не знаю, такие образовательные программы были – вот они больше не столько образовательные, сколько такие, психологические – курсы, там, детские курсы по воспитанию детей, но чтобы они все-таки были бесплатными, доступными и с квалифицированными специалистами». (Барнаул)

«Здесь нужно развивать родителей, когда они идут составлять брачные узы, в брачное агентство заключать брак, то есть нужно очень много работать с родителями. Прежде чем им разрешать бракосочетание, нужно проводить определенные тренинги, причем не просто трехдневные, а несколько дней длящихся определенные курсы, лекции, с помощью которых брачующиеся научились бы понимать маленьких детей, их чувства». (Казань)

Роль гражданского общества: мнение экспертов

Эксперты назвали несколько социальных агентов, которые, помимо государства, могут способствовать защите ребенка от жестокого обращения. Во-первых, это различные негосударственные организации, которые во многих регионах активно включены в работу по противодействию насилию над детьми:

«У нас работают волонтеры. Даже бывают совместные рейды служб профилактики, ночные рейды. Они принимают участие. Волонтеры приходят у нас в больницы, там помогают, оказывают какую-то помощь» (Барнаул)

Во-вторых, это сами граждане, усилиями которых может быть создан социальный климат, в котором насилие над ребенком в любых формах будет рассматриваться как неприемлемая форма воздействия на него. Эксперты отмечают, что для современного российского общества характерна ситуация, при которой большинство граждан, как правило, демонстрируют равнодушие, придерживаются позиции невмешательства.

«А вторая сторона – конечно, нам очень не хватает вмешательства общества. Очень. Общественных организаций. Вообще здесь, наверное, уместно даже говорить о позиции общества: то, что раньше очень хорошо помогало какой-то такой общественный резонанс, когда люди не проходили мимо детского горя, когда люди сообщали, что делается вот с тем-то. Если они слышат детский плач, если они слышат, может быть, постоянные какие-то скандалы среди родителей, нужно не поленившись и все-таки хотя бы поднять телефонную трубку. К сожалению, сейчас это все реже и реже, и этого очень не хватает». (Ижевск)

«Ну, государству, чтобы вмешаться в эту ситуацию, или, там, представителям государства, прежде всего, конечно, надо узнать: что там происходит. И я уже говорил, что, когда мы говорим о России, для меня кажется большей проблемой не насилие, а равнодушие, потому что в ситуации, когда соседям все равно, изо дня в день раздающиеся там, вопли или крики, или стоны из-за стены их совершенно не касаются и не трогают, то никакой инспектор по делам несовершеннолетних, там, или, я не знаю, из органов опеки не появится на пороге этой квартиры: он об этом просто не знает». (Тюмень)

Это нередко происходит потому, что граждане не видят поддержки со стороны государства и не хотят осложнять свою жизнь дополнительными рисками:

«Нет, конечно, потому что люди как говорят: «Да, эта семья такая – она асоциальная семья, а у меня дети вообще-то, и я не знаю, что будет с моими детьми. Я что хочу? Чтобы мне квартиру подожгли? Кто мне будет выплачивать? Или чтобы меня бутылкой по голове ударили, когда я буду домой подниматься? Мне еще в этом доме жить. Я переезжать никуда не собираюсь». Я это слышала достаточно часто». (Казань)

Вторым препятствием на пути более активной позиции граждан является отсутствие законодательных рамок, которые бы регулировали гражданскую активность в подобных случаях. Закон, который должен поддерживать гражданина, демонстрирующего равнодушное отношение к чужой беде, на сегодняшний день этой своей функции не выполняет:

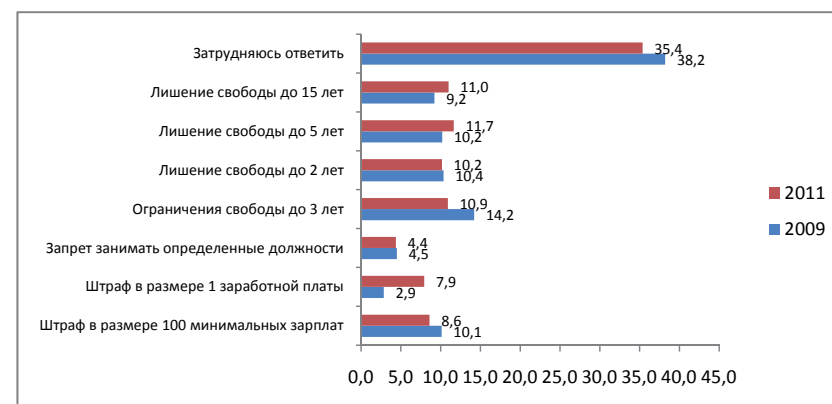
«Нет, я думаю, что общество сейчас абсолютно безразлично ко всяким таким ситуациям. Потому что это, опять же, двоякая ситуация. С одной стороны, конечно же, нужно вмешаться. А с другой стороны, тебе просто ответят и скажут: «Ты кто такая? Что тебе нужно? Зачем ты вмешиваешься? Это наше семейное дело». От этого ничего не изменится, что прохожий человек вмешается в эту ситуацию. Но вообще, да, нужно как-то реагировать на это. Но я думаю, что от этого мало что изменится». (Самара)

В-третьих, в обществе не отработан алгоритм такого вмешательства. Если гражданин становится свидетелем напряженных отношений в семье, то, как правило, он не обладает знанием о том, какой тип поведения в данной ситуации является социально приемлемым. Иными словами, необходимы ценностные основания, которые позволили бы гражданину осознавать не только необходимость, но и возможность вмешиваться в тех случаях, когда ребенок становится объектом насилия.

Информированность о наказаниях за жестокое отношение к детям

В ходе исследования респонденты должны были продемонстрировать свою информированность о российском законодательстве в той его части, которая предусматривает защиту прав ребенка. Они должны были сказать, каков максимальный уровень наказания, назначаемый родителям, жестоко обращающимся со своими детьми. Данный вопрос задавался в исследовании 2009 года, что дает возможность оценить масштаб изменений в уровне информированности населения о правах детей.

Диаграмма 23. Уровень наказания для родителя, жестоко обращающегося с детьми

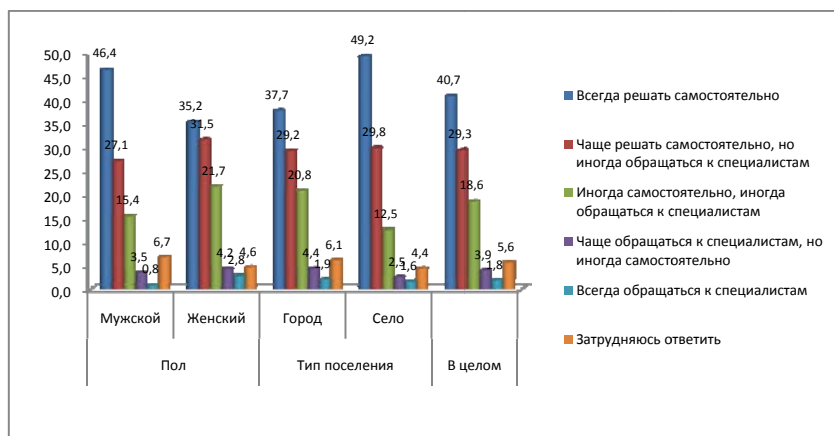

Результаты исследования говорят о том, что уровень юридической грамотности населения остается невысоким. Как в 2009, так и в 2011 годах наибольшая часть опрошенных выбрала вариант «затрудняюсь ответить». Около половины выбрали разные формы лишения свободы, не имея с очевидностью точной информации о том, какой из предложенных вариантов правильный. Примерно треть остановились на варианте штрафа или ограничения на занятие некоторых должностей.

Формы разрешения конфликтных ситуаций

В тех случаях, когда между родителями и детьми, возникают проблемы или конфликты перед родителем встает вопрос, как ему действовать. Он может пытаться решить проблему самостоятельно, опираясь на собственный опыт, знания или интуицию, но может прибегнуть к помощи специалиста-психолога. Надо понимать, что решение приходится принимать под давлением самых разных обстоятельств, не все из которых располагают к поиску внешнего содействия. В современном российском обществе культивируется ориентация на достижение и самостоятельность в принятии решений. Обращение ввне может рассматриваться как признание собственной несостоятельности, поражения в попытках найти решение для рядовых семейных проблем. Родители могут испытывать сомнения еще потому, что не доверяют квалификации внешних экспертов, не верят в то, что кто-то может знать их семейную ситуацию лучше, чем они сами.

Диаграмма 24. Формы разрешения конфликтов с детьми

Согласно результатам исследования, примерно четверо из десяти опрошенных предполагают действовать полностью самостоятельно. Трое

из десяти намерены решать проблемы самостоятельно, но все же не исключают для себя вариант, при котором в некоторых ситуациях они будут обращаться за помощью к внешним специалистам. Третий вариант, существенно уступающий в уровне популярности первым двум, заключается в том, чтобы иногда действовать самостоятельно, а иногда обращаться к специалистам. Более частое обращение к специалистам поддерживается не более чем 5 – 6% опрошенных.

Мужчины, как следовало ожидать, в большей степени, чем женщины тяготеют к самостоятельности. Женщины предполагают вести себя более гибко. Они, как и мужчины, понимают, что необходимо искать собственное решение семейным проблемам, но при этом не исключают для себя возможности в некоторых ситуациях искать помощи у специалиста.

Существенные различия наблюдаются в позициях жителей города и села. Первые чаще ориентируются на помощь специалистов, вторые делают упор на самостоятельность. Для них самостоятельность может

Таблица 7. Формы получения помощи по воспитанию детей (в процентах, возможен выбор двух вариантов ответа)

	В целом	Пол		Тип поселения	
		Мужской	Женский	Город	Село
С помощью консультаций профессионального практикующего психолога	34,2	28,8	39,5	35,8	29,8
С помощью умных книг, рассказывающих, как воспитывать детей	20,5	18,6	22,3	21,1	18,8
Позвонив по телефону доверия, специализирующемуся на таких проблемах	18,0	16,6	19,4	17,5	19,4
Через сайт в Интернете, на котором можно задать вопрос специалисту	16,7	15,2	18,1	16,4	17,6
С помощью специальной передачи по телевидению	16,7	15,9	17,5	14,1	23,8
Через специальный журнал	8,3	8,0		8,6	9,0
Затрудняюсь ответить	21,2	27,1		15,5	22,0

носить вынужденный характер. Найти в сельской местности хорошего специалиста, разбирающегося в детской психологии или даже просто семейных проблемах в целом, нелегко.

Около трети опрошенных высказали желание обращаться в подобных ситуациях к профессиональному практикующему психологу. Доля женщин, готовых искать помощи вовне семьи, существенно больше соответствующей доли мужчин. В городе подобный вариант более популярен, чем на селе по причинам, о которых уже говорилось выше.

Около пятой части опрошенных рассчитывают получить информацию, необходимую для воспитания ребенка, из «умных книг» и еще столько же готовы обратиться к специалисту по телефону доверия. Несколько менее популярны обращение к специалисту через интернет – сайт и просмотр специальных передач по телевидению. Как и следовало ожидать, телевидение более популярно в селе, чем в городе по причине его доступности. Примерно один из десяти респондентов планирует в подобных ситуациях искать информацию в специальных журналах, посвященных проблемам воспитания.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛИЮ В РЕГИОНАХ РФ

Ситуация в регионах: мнение экспертов

Как следует из данных, полученных в ходе экспертных интервью, проблема насилия над детьми остается достаточно серьезной. В настоящее время не существует оснований для вывода о снижении, об уменьшении случаев насилия над детьми. По мнению экспертов, насилие над детьми распространено и принимает различные формы. Большинство экспертов склоняются к мнению о том, что наиболее распространенными, часто встречаемыми формами насилия над детьми является физическое и психологическое насилие. Причем, эксперты отмечают, что, как правило, эти две формы насилия сопровождают друг друга, взаимосвязаны.

Следует отметить, что некоторые эксперты ассоциируют физическое насилие не только с побоями, не только как проявление физической агрессии со стороны родителей в отношении ребенка, но как невыполнение родителями своих обязанностей, в результате которого дети оказываются в неприемлемых, тяжелейших жизненных условиях. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о ситуации, когда в силу создавшегося трудного экономического положения семьи ребенок проживает в бедности, но все-таки получает необходимую заботу со стороны родите-

лей. Речь идет о ситуации, при которой родители в результате своей асоциальности, пренебрежения своими родительскими обязанностями доводят ребенка до такого состояния, что его физическому состоянию, здоровью, личностному развитию наносится непоправимый ущерб и даже создается угроза его жизни.

Психологическое насилие рассматривается как наиболее распространенная форма насилия в силу двух причин: во-первых, потому что, по мнению экспертов, выше всего риски подвергнуться насилию для детей именно в семье, в ней же чаще всего реализуется психологическое насилие. Во-вторых, в силу своей «неуловимости», непрямоуловимости. Физическое насилие трудно скрыть: оно оставляет «следы» в виде синяков, ссадин, следов от побоев, которые могут быть обнаружены, увидены со стороны. В этом смысле физическое насилие разоблачаемо. В отличие от него психологическое насилие не имеет столь ярко выраженной симптоматики, оно может быть незаметно взгляду постороннего. В связи с этим выявить психологическое насилие оказывается трудным делом: сам факт психологического насилия может не осознаваться как самими родителями, так и детьми.

Следует подчеркнуть, что некоторыми экспертами отмечалось возросшее число случаев сексуального насилия в семьях. Другие полагают, что речь идет не столько о реальном увеличении масштабов проблемы, сколько о развернутой в СМИ кампании, акцентирующей именно эту форму насилия. Отмечая факт повышенного внимания к этой проблеме, большинство экспертов склоняется к точке зрения, согласно которой эта форма насилия является наименее распространенной.

В своих рассуждениях эксперты опирались как на свой собственный опыт работы, так и на громкие случаи насилия над детьми, получившие освещение как в местных, региональных, так и в федеральных СМИ и ставшие поводом для всестороннего обсуждения проблемы. Приведенные ими случаи помогают определить причины, которые провоцируют насилие над детьми, а также те звенья в механизме социальной регуляции, недостатки в работе которых усугубляют проблему.

Первая группа объединяет случаи, при анализе которых эксперты в качестве причины произошедшего указывали социальную незащищенность российских граждан, неотстроенность социальной среды. С точки зрения экспертов, проблема заключается не столько в том, что российские семьи сталкиваются с трудностями, сопутствующими низкому качеству жизни – отсутствием работы, потерей кормильца, – сколько в том, что в российском обществе отсутствуют устойчиво работающие институты, способные вовремя оказать семье, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, необходимую материальную или психологическую помощь. Стресс, порой приводящий к насилию над ребенком, порождает не столько сами трудные жизненные обстоятельства, сколько невозможность для семьи

самостоятельно решить возникшую проблему, найти выход из создавшейся ситуации. Это ограничение возможностей в решении проблемы, с которой столкнулась семья, может быть связано с недостатком материальных, культурных, социальных ресурсов, с недостаточностью социальной компетенции. Эксперты подчеркивают, что многих трагических случаев насилия над ребенком, приведших к его гибели, можно было бы избежать, если бы такой семье вовремя была бы оказана необходимая поддержка. В связи с этим экспертами неоднократно отмечалось, что одним из ключевых направлений деятельности, способствующих снижению внутрисемейного насилия над детьми, должна стать социальная диагностика: заблаговременное выявление семей, находящихся в зоне социального риска, подключение к работе с семьей психологов и социальных работников, – с тем, чтобы помочь семье найти выход из сложившейся трудной жизненной ситуации.

Во второй группе случаев – асоциальные семьи, в которых дети стали жертвами насилия в результате пренебрежения, невыполнения родителями своих обязанностей. Это семьи, в которых родители имеют алкогольную или наркотическую зависимость, социально не адаптированы. Как следует из текстов интервью, в настоящее время с такими семьями связаны две проблемы, которые повышают для детей риски стать жертвами жестокого обращения.

Первая проблема заключается в том, что, как признают эксперты, ни общество, ни государство не имеют действенных рычагов воздействия на таких родителей, эффективных способов принуждения к исправлению поведения: их невозможно отправить на принудительное лечение от алкоголизма или наркомании, заставить найти работу, лучше ухаживать за детьми. Асоциальность, маргинализация означают, по сути, выход из отношений власти и подчинения, на которых основана социальная система. Единственной мерой, которая применяется в отношении таких семей, это изъятие ребенка из семьи и помещение его в воспитательное учреждение. Однако применение подобной меры решает лишь одну из проблем: обеспечение более или менее приемлемых условий жизни ребенка, устранение угрозы его физическому состоянию, но не решает при этом проблемы его адекватной социализации в современном российском обществе: по словам экспертов, ни одно воспитательное учреждение, сколь бы хорошо оно ни было, не способно заменить ребенку семью и родителей. Семья по-прежнему остается ведущим агентом социализации, адекватной замены которого не существует. Известно, что воспитанники детских домов и приютов не проходят должной социализации, не получают в полной мере социальных навыков и компетенций и, покидая стены воспитательного учреждения, оказываются неприспособленными к жизни в современном социуме. Иначе говоря, лишение родительских прав для асоциальных родителей означает, по сути, освобождение от какой-либо ответственности за ребенка, а для ребенка – дополнительные лишения.

Кроме того, необходимость применения данной меры подчас обнажает существующий в современном российском обществе ценностный конфликт: противоречие между ценностью приемлемых для ребенка комфортных условий жизни и ценностями семьи и родительской любви. В некоторых случаях, когда речь идет об изъятии детей у социально неадаптированных, но любящих своих детей родителей, общество встает на защиту целостности семьи: бедность, пусть и угрожающая здоровью и благополучию детей, признается меньшим злом в сравнении с разрушением семьи и утратой ребенком родительской любви.

Выход из сложившейся ситуации эксперты видят в усилении ответственности родителей за выполнение своих обязанностей по содержанию и обеспечению своих детей. По мнению некоторых экспертов, ужесточение карательных мер, демонстрирующих способность общества призвать к ответственности таких родителей, может рассматриваться как эффективная мера воздействия. Общество должно иметь способы оказывать давление на нерадивых родителей, принуждать их к исправлению: необходимо, полагают эксперты, вернуть практиковавшееся в советскую эпоху, а ныне отмененное принудительное лечение от алкоголизма, нужно ввести принудительную реабилитацию и посещение психолога, необходима система исправительных работ.

Вторая проблема связана с работой социальных служб. В рассказанных экспертами случаях асоциальные семьи, в которых произошел трагический случай гибели ребенка или был причинен тяжкий ущерб его здоровью и личности, не были заблаговременно выявлены социальными службами. Как правило, это происходит потому, что работникам социальных служб либо не хватает подготовки, умения по косвенным признакам выявлять семьи, находящиеся в зоне риска, либо добросовестности, желания ответственно делать свою работу даже несмотря на то, что оплачивается она невысоко.

Третья группа случаев касается воспроизводства родителями насильственных воспитательных практик. Подобные случаи выявляют проблему социокультурной укорененности насилия как меры воспитательного воздействия. Зачастую родители, которых в детстве наказывали физически, связывают воспитание с применением физических наказаний. Помимо того, что такие родители толерантно относятся к физическому наказанию как таковому, они с легкостью применяют подобный «метод воспитания» в отношении своих детей. Иначе говоря, наказывая физически своего ребенка, такие родители не задумываются о том, что, по сути, осуществляют насильственное действие. Кроме того, порой применение родителями физических наказаний вызвано тем, что в силу ограниченности собственного опыта прохождения социализации, они не подозревают о существовании других, ненасильственных методов воспитания, считают физическое наказание эффективным способом добиться от ребенка требуемого поведения.

По мнению экспертов, выход из такой ситуации лежит в двух направлениях. Во-первых, необходима просветительская деятельность среди родителей; во-вторых, следует расширить деятельность семейных психологов. Эксперты ссылались на случаи из собственной практики, когда благодаря работе семейного психолога, удалось выправить воспитательную коммуникацию между родителем и ребенком, строившуюся исключительно с применением физических наказаний, в сторону взаимного диалога.

Четвертая группа случаев имеет отношение к насилию, которому рискует подвергнуться ребенок внутри воспитательного или образовательного учреждения. Как следует из приведенных случаев, основная проблема, возникающая в подобных ситуациях, заключается в том, что зачастую администрация образовательных и воспитательных учреждений, ответственная за здоровье и безопасность детей, пытается скрыть случившийся факт насилия и избежать ответственности. Во всех рассказанных ситуациях требовались волевые усилия родителей, общественности, уполномоченного по правам ребенка, чтобы избежать замалчивания данного факта и привлечь должностных лиц к ответственности.

Пятая группа случаев, прозвучавших в ходе исследования, затрагивает проблему межподросткового насилия. Как указывалось выше, рассуждая о социокультурных основаниях проблемы насилия, эксперты отмечали повышенную агрессивность информационной среды в современном российском обществе. Эта агрессивная информационная среда оказывает негативное воздействие на подрастающее поколение, в том числе и формируя своего рода психологическую устойчивость, толерантность к фактам насилия. Мощный информационный поток, буквально пропитанный насилием, взламывает внутренние культурные барьеры, смешивая понятия о том, что «такое хорошо и что такое плохо». Насилие перестает восприниматься как изъяс, как показатель неблагополучия, как недопустимое в принципе и одним своим появлением нарушающее привычный ход вещей. Напротив, оно становится частью привычной повседневности. В рассказанных экспертами случаях обращает внимание на себя тот факт, что подростки не просто подвергали насилию своих одноклассников или ровесников. Они фиксировали свои действия на камеры мобильных телефонов и затем выкладывали видеозаписи в Интернете. Иначе говоря, они стремились таким образом вписаться, стать частью окружающей информационной среды, которая, по сути, выдала культурную санкцию на их действия. Причины подобного положения дел эксперты видят в том, что инфраструктура общедоступных развивающих учреждений для детей и подростков существенно сократилась. Родители в силу своей занятости и недостаточности материальных ресурсов не в состоянии обеспечить своим детям полноценный досуг, который способствовал бы их развитию и получению дополнительных культурных компетенций. В результате дети, предоставленные сами себе, без контроля

со стороны взрослых, оказываются подвержены негативным информационным влияниям, проходят социализацию в условиях «улицы». Надо понимать, что склонные к насилию дети по прошествии времени сами становятся родителями, воспроизводят устойчивые образцы насилия в отношении собственных детей. Выход из сложившейся ситуации эксперты связывают с отстраиванием детской социальной среды, которое включало бы развитие общедоступных, бесплатных учреждений дополнительного образования, а также работу психологов с детьми и подростками, относящимися к группам социального риска.

Приведенные экспертами случаи показывают, что фактам насилия сопутствуют следующие предпосылки: закрытость, толерантность (терпимость) к насилию и безответственность. Насилие продуцируется закрытостью: в тех случаях, когда общество утрачивает рычаги социального контроля над социальной группой, внутри нее формируется потенциальная основа для насилия. Идет ли речь о социально неблагополучной семье, неподконтрольной социальным службам, или об образовательном учреждении, – в приведенных экспертами случаях насилие возникало именно при условии закрытости. Говоря метафорически, насилие не терпит взгляда постороннего. В этом смысле, разоблачение, обнаружение, предание факта насилия гласности автоматически означает его прекращение.

Как показали приведенные экспертами случаи, совершение акта насилия невозможно без принятия самой идеи насилия как допустимой, получившей легитимацию в контексте культуры. Отец, вытаскивающий ремень, чтобы наказать ребенка за полученную в школе плохую отметку, или подросток, выкладывающий видеозапись с издевательствами над своим одноклассником, – делают это с сознанием допустимости и санкционированности своих действий. По сути, рассуждая об агрессивности информационной среды, эксперты указывают на низкий порог чувствительности, толерантности общества к фактам насилия. Когда насилие становится привычным фактом повседневности, смещается граница допустимости или недопустимости тех или иных действий.

Приведенные экспертами случаи также показали, что, как правило, насилие вольно себя чувствует в ситуации безответственности: пьющие родители, которые оставляют своего ребенка на произвол судьбы и которых невозможно за это привлечь к ответственности; администрация воспитательного учреждения, пытающаяся избежать ответственности за допущенный случай жестокого обращения с ребенком; всевозможные лазейки в уголовно-процессуальном кодексе, позволяющие насильнику избежать наказания. Иначе говоря, насилие становится возможно в результате нарушения нормированного социального порядка, при котором существует четкая и неизбежная связь между проступком и отведенным ему наказанием.

Таким образом, на основе приведенных экспертами громких случаев можно сделать вывод о том, что основные причины насилия над детьми заключаются в сбое функционирования социальных институтов, регуляционного измерения социальной жизни. Общество в определенной степени утратило контроль над основными институтами социализации ребенка – семьей и институтами образования (закрытость, неподконтрольность этих институтов для общества). В сфере социальных норм и ценностей заметен сдвиг в сторону принятия насилия как допустимой и возможной социальной нормы (толерантность). Тот факт, что в ряде случаев ответственности за насилие удается избежать, свидетельствует об отсутствии четкого порядка регуляции, устанавливающего связь между проступком и наказанием. Более того, можно говорить о том, что распад ценностного и нормированного порядка влечет за собой сбой в механизме социального контроля, и, как следствие, – сбой в механизме регуляции.

Меры по борьбе с насилием в отношении детей

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время в России предпринимаются значительные усилия по решению проблемы насилия над детьми – как со стороны региональных властей, так и со стороны различных субъектов гражданского общества.

ПРОГРАММЫ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ

Прежде всего, следует отметить, что проблема насилия над детьми обрела высокий социальный статус. Об этом свидетельствует тот факт, что меры, направленные на решение данной проблемы, принимаются на уровне органов власти субъектов Российской Федерации. Это означает, что насилие над ребенком больше не воспринимается как частное дело отдельной семьи или несчастный случай, или как уголовное преступление, – но как существенный изъян в функционировании социальной системы, показатель системного социального неблагополучия, требующий целенаправленного и долговременного вмешательства со стороны государства.

На уровне региональных властей разрабатываются и принимаются целевые программы, которые представлены двумя видами. Во-первых, это программы общего плана, ориентированные на создание благоприятных условий для защиты жизни и здоровья детей. Как правило, такие программы включают мероприятия, призванные снизить остроту проблемы насилия над детьми. Во-вторых, это программы, задача которых заключается в реализации комплекса мер, непосредственно направленных на решение проблемы. На основе полученных текстов интервью с экспертами можно выделить несколько ключевых направлений работы таких программ.

Как указывалось выше, по мнению экспертов, один из факторов, могущих спровоцировать насилие над ребенком, повышающий риски такого

насилия, связан с социально неблагополучной ситуацией, в которой оказывается семья ребенка. Это социальное неблагополучие может быть вызвано разными причинами: потерей работы, плохим состоянием здоровья родителей, затруднительными материальными обстоятельствами, кризисными отношениями в семье между родителями. Эксперты убеждены, что выявление таких семей и своевременное оказание необходимой помощи способно существенно уменьшить число случаев насилия над детьми. В связи с этим одно из направлений, по которому работают социальные службы регионов, заключается в профилактической работе с семьями и оказании социальных услуг. Принимаемые программы включают комплекс мер, предусматривающих раннее выявление неблагополучных семей, назначение в такую семью специального куратора, который помогает в выстраивании взаимоотношений и решении проблем. Подобные программы уже работают в ряде регионов, и эксперты признают, что, несмотря на имеющееся противодействие со стороны некоторых семей, подобное социальное патронирование дает положительный результат.

Анализируя работу **социальных служб**, эксперты отмечали, что именно на сотрудниках этих служб лежит основная нагрузка по противодействию жестокому обращению с детьми. В целом работа социальных служб получила высокую оценку со стороны экспертов, но вместе с тем было отмечено, что эта работа не лишена недостатков. С точки зрения экспертов, основная проблема российских социальных служб заключается в нехватке квалифицированного персонала – кадров, которые бы занимали активную гражданскую позицию, могли бы предлагать и внедрять инновационные методы работы, обладали бы более широким, перспективным социальным видением. В связи с этим второе важное направление, нашедшее отражение в целевых программах, принимаемых на региональном уровне, – это повышение квалификации социальных работников, обучение специалистов, проведение семинаров.

Насилие оказывает травмирующее действие, негативно сказывается как на состоянии здоровья, так и на личности ребенка. В связи с этим, помимо профилактической работы с семьями, направленной на предотвращение насилия над детьми, в регионах действуют кризисные, реабилитационные центры, психологические консультации, где жертвы насилия могут получить необходимую помощь. Такие центры создаются и поддерживаются не только местными властями, но и некоммерческими общественными организациями. Иначе говоря, еще одним значимым направлением работы по решению проблемы насилия над детьми является формирование сети институтов, ориентированных на устранение и преодоление последствий насилия.

По мнению экспертов, одна из причин, вызывающих межподростковое насилие заключается в безнадзорности, заброшенности детей. В ситу-

ации, когда родители вынуждены совмещать несколько работ, для того чтобы прокормить семью, дети остаются предоставленными самим себе. В настоящее время сеть бесплатных, общедоступных учреждений дополнительного образования, в которых дети после окончания школьных занятий могли бы с пользой и под контролем со стороны взрослых провести время и получить дополнительные навыки, все больше сужается. Вместе с тем, далеко не каждая семья способна обеспечить своему ребенку полезный и подконтрольный досуг. В результате, улица становится тем местом, где ребенок рискует сам стать жертвой насилия либо становится соучастником оказываемого насилия над другим. В связи с этим, эксперты видят решение проблемы в том, чтобы направить усилия на создание условий для полноценного и общедоступного досуга для детей. Задача формулируется следующим образом: отвлечь детей от улицы. В ряде регионов начали реализовываться такие программы. С точки зрения экспертов, это направление очень важно для преодоления проблемы насилия над детьми, так как предполагает, по сути, отстраивание детской социальной среды, предоставляющей детям дополнительные возможности для развития, а также для прохождения социализации и ресоциализации. Помимо создания сети общедоступных кружков и секций для детей, данное направление включает также возможности для детей, ставших жертвами домашнего насилия или проживающих в социально неблагополучных семьях, провести некоторое время в детском лагере. Такая мера представляется более щадящей и более эффективной, чем помещение ребенка в воспитательное учреждение. С одной стороны, на время работы социальных служб с семьей ребенок изымается из семьи, получает возможность сменить обстановку, пройти реабилитацию, с другой – такой способ оказывает менее травмирующее действие на психику ребенка.

Кроме того, одно из решений, способствующих существенному снижению случаев уличного насилия над детьми и совершенных преступлений против несовершеннолетних, заключается во введении детского комендантского часа. Такая мера уже введена в ряде регионов и оценивается экспертами как эффективная.

Один из факторов, могущих усугублять проблему насилия над детьми, по мнению экспертов, заключается в отсутствии отстроенных каналов коммуникации между населением и социальными службами, между детьми – жертвами насилия и специальными службами, призванными оказывать помощь. Для устранения этого негативного обстоятельства в регионах и на федеральном уровне принимается ряд мер. Так, эксперты оценивают как эффективную такую меру, как **общедоступный телефон доверия**. По словам экспертов, информация об этом телефоне, о возможностях им воспользоваться в критических ситуациях сделана максимально доступной для школьников и их родителей. Вместе с тем, эксперты отмечают, что телефон труден для

запоминания. И не каждый, не то что ребенок, но даже взрослый, способен вспомнить этот телефон в трудной ситуации. Эксперты полагают, что эта мера стала бы еще более эффективной, если бы номер телефона доверия был максимально проще. Кроме того, в направлении информирования и просвещения школьников по проблемам насилия работают как правоохранительные органы, так и местные администрации. Просветительская деятельность среди подростков, предполагающая повышение уровня их информированности о возможностях получения экстренной помощи в случае жестокого обращения или насилия, а также о правилах безопасного поведения входит в число мероприятий, реализуемых в рамках целевых региональных программ, ориентированных на решение проблемы насилия над детьми.

В ряде регионов **сотрудники правоохранительных органов** проводят со школьниками беседы, сообщая о правилах безопасного поведения, об организациях, в которые можно обратиться за получением экстренной помощи в случае, если насилие было совершено или возникла угроза совершения насилия. Кроме того, правоохранительные органы выпускают и распространяют среди подростков специальные памятки, в которых прописаны правила безопасного поведения, а также содержится информация об организациях, оказывающих помощь.

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА

Помимо целевых программ, ориентированных на преодоление проблемы насилия над детьми, в регионах действует институт уполномоченного по правам ребенка. Эксперты рассматривают учреждение данного института как составную часть мероприятий, призванных решить данную проблему. Судя по словам экспертов, уполномоченные по правам ребенка действуют весьма эффективно, работая со случаями совершенного насилия. Иначе говоря, это реально работающий институт, аккумулирующий статистическую информацию, данные о случаях насилия, поддерживающий коммуникацию с гражданским обществом и способный подключаться к ситуациям для оказания помощи пострадавшим семьям и их детям.

СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОБЩЕСТВЕННЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Общественные и религиозные организации активно включены в работу по противодействию насилию над детьми. Одним из приоритетных направлений деятельности субъектов гражданского общества является оказание своевременной материальной или психологической помощи семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, помощь в разрешении внутрисемейных конфликтов. В этом направлении активно задействованы как общественные, так и религиозные организации.

Как отмечают эксперты, хороший результат дает сотрудничество местных властей и некоммерческих организаций в направлении формирования сети институтов, задача которых состоит в преодолении негативных последствий насилия над детьми. В рамках данного направления силами общественных и религиозных организаций создаются социальные приюты, где жертвы насилия могут получить временное убежище. Специалисты, работающие в таких организациях, проводят психологическое консультирование, оказывают медицинскую и правовую помощь. Эксперты отмечают, что общественные организации, работающие в данном направлении, обладают большим потенциалом: в них задействованы люди, неравнодушные к проблеме, как правило, знающие проблему изнутри, энтузиасты своего дела. Вместе с тем, некоммерческим организациям не хватает масштабыности, их ресурсная база невелика. В том случае, если местная администрация оказывает таким организациям финансовую поддержку, привлекает их к реализации своих социальных проектов, удастся добиться хороших результатов.

Следует отметить, что направление, ориентированное на работу с детьми, создание для них возможностей психологической реабилитации широко поддерживается Русской Православной церковью. В ряде регионов силами РПЦ организуются специальные лагеря, в которых дети из неблагополучных семей, ставшие жертвами насилия, могут восстановиться не только физически, но и духовно.

ДАЛЬНЕЙШИЕ МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НАСИЛИЮ НАД ДЕТЬМИ

В ходе исследования эксперты имели возможность не только рассказать о принимаемых мерах по противодействию насилию над детьми, но и высказать свое мнение о планируемых направлениях работы.

Консолидация усилий различных ведомств. Прежде всего, необходимо консолидировать и свести усилия различных ведомств в единую систему. Исследование показало, что каждый из институтов достаточно эффективно работает на своем участке, очерченном как отведенными полномочиями, так и имеющимися возможностями. Однако проблема насилия над детьми представляет собой комплексную проблему, не уместящуюся в рамки одного ведомства. И с этим связано то, что ведомства, демонстрирующие эффективность работы на своем «участке» выглядят неэффективно с точки зрения другого аспекта проблемы. Правоохранительные органы, действительно работающие по факту совершенного насилия, обеспечивающие необходимую поддержку сотрудникам органов опеки, выглядят неэффективно, когда речь идет о профилактике насилия и заблаговременном выявлении и предотвращении случаев насилия. Сотрудники социальных служб действуют профессионально, когда срабатывает отлаженный алгоритм действий, но смотрятся старомодно, когда речь идет о необходимости

применения новых, инновационных подходов в решении социальной проблемы. С этой точки зрения, неправительственные организации, которые могут демонстрировать креативность и мобильность, энтузиазм и глубокую личностную вовлеченность – в то же время страдают от нехватки масштабыности, в состоянии действовать, решая точечные проблемы. Религиозные организации, могущие обеспечить необходимую идейную, ценностную поддержку, также имеют ограниченный «радиус действия», исчисляемый паствой. По словам одного из экспертов:

«Точечно у нас все молодцы. Я только с вами об этом и разговариваю сижу — что каждый профессионал и делает очень хорошо свое дело. Все молодцы. А проблема есть». (Москва)

Напрашивается вывод о том, что решение проблемы насилия над детьми может быть эффективным только при межведомственном взаимодействии, консолидированном, совместном участии всех заинтересованных участников. Только при таком тесном сотрудничестве возможно комплексное, глубокое решение проблемы насилия над детьми. Необходима общая структура, координирующая, сплачивающая и консолидирующая усилия различных ведомств в противодействии насилию над детьми. Следует отметить, что определенная база для подобной консолидации усилий уже создана: социальные службы работают в тесном сотрудничестве с правоохранительными органами, в некоторых регионах есть успешный опыт привлечения общественных организаций к реализации социальных проектов, инициированных местной администрацией, а также подписываются соглашения между РПЦ и местной администрацией о совместном сотрудничестве, в том числе и по проблеме насилия над детьми.

Усиление ответственности за совершенное насилие. По мнению экспертов, остается нерешенной проблема ответственности. В ряде случаев лицо, совершившее насилие, имеет возможность избежать ответственности и наказания в силу несовершенства системы правосудия. Эксперты ссылались на случаи из своей практики, когда возникали сложности с возбуждением уголовного дела по факту насилия или дело прекращалось примирением сторон, возникали трудности в построении доказательной базы. Кроме того, как показали громкие случаи, произошедшие в регионах опроса, если насилие случается в стенах воспитательных или образовательных учреждений, их администрация намеренно старается скрыть произошедший факт, выбирая стратегию ухода от ответственности. И только волевое вмешательство родителей, общественности, обращение за помощью к уполномоченному по правам ребенка помогли развернуть ситуацию в пользу пострадавших. Эксперты убеждены, что один из путей преодоления проблемы насилия или, во всяком случае, уменьшения масштабов данной проблемы, лежит в сфере усиления ответственности – родителей, лиц,

совершивших насилие, должностных лиц. Многие эксперты однозначно высказались за ужесточение карательных мер. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не столько об увеличении сроков, сколько об устранении лазеек в уголовно-процессуальном кодексе, позволяющих лицам, ответственным за насилие, избежать заслуженного наказания.

Основные направления профилактической работы. По мнению большинства экспертов, ключевым направлением остается профилактическая работа: заблаговременное выявление семей, находящихся в затруднительных, неблагополучных жизненных обстоятельствах, оказание им помощи. Помимо непосредственной работы с семьями, профилактическая работа также подразумевает, по мнению экспертов, работу с общественным мнением. В этом смысле, эффективной была бы социальная реклама, кампания в средствах массовой информации, направленная, с одной стороны, на формирование неприятия насилия над детьми, недопустимость такого способа взаимодействия с ребенком, а с другой – на укрепление ценностей семьи. Вместе с тем, как отмечают эксперты, для того чтобы социальная реклама была эффективной, она должна не только обозначать проблему, но и работать на эмоциональном уровне, пробуждать эмоциональное отношение. Самое главное – социальная реклама и кампания в СМИ должны показывать возможное решение проблемы, альтернативные насилию – позитивные формы поведения по отношению к ребенку. Иначе говоря, социальная реклама должна задавать положительный алгоритм, образец поведения. Не только формировать в общественном сознании неприятие насилия в отношении детей, но внедрять, задавать образцы поведения: как нужно поступать, какие формы поведения являются приемлемыми в той или иной ситуации. В качестве примера такой действенной, эффективной рекламы, эксперты вспомнили социальные ролики, в которых звучал призыв: «Позвоните родителям» или «В десять вечера ваши дети дома?».

Эксперты признают значимость СМИ в проведении подобной информационной кампании и социальной рекламы. В ходе исследования роль СМИ в освещении и подаче проблемы насилия над детьми получила неоднозначную оценку экспертов. С одной стороны, эксперты отмечают, что СМИ помогают придать гласности факт насилия и сформировать тем самым ситуацию, при которой он не может замалчиваться, оставаться без внимания со стороны общественности и органов власти; с другой стороны, как полагают некоторые эксперты, повышенное внимание СМИ к фактам насилия, их попытки поднять градус социальной проблемы, подчас усугубляют ситуацию, которая могла бы иметь более простое решение. Кроме того, как правило, СМИ ограничиваются передачей исключительно фактической стороны дела, не анализируя проблему в целом. По мнению экспертов, не всегда представители СМИ придерживаются норм журналистской этики при освещении фактов насилия.

К профилактическим мерам эксперты отнесли всевозможные виды просветительской деятельности: бесплатные, общедоступные учебные курсы и тренинги для родителей, психологические консультации, введение в школьную программу уроков по этике и психологии семейной жизни. По мнению экспертов, подобная просветительская деятельность может устранить одну из причин, порождающих насилие в семье, – недостаток воспитательных компетенций у родителей. Кроме того, просвещение родителей способно разорвать порочный круг воспроизводимых из поколения в поколение насильственных воспитательных практик, заменить их другими, – построенными на знании и понимании психологии ребенка и основанными на адекватной интеракции с ним.

Подводя итог, необходимо отметить, что большинство экспертов признают, что, хотя в решении проблемы насилия над детьми сделан существенный шаг вперед, впереди предстоит большая работа. И самое главное, полагают эксперты, чтобы эта работа была долговременной, чтобы она не обернулась краткосрочной кампанией с благими начинаниями и неубедительным результатом:

«Вы знаете, вот самый большой минус в любом деле – это начать громко говорить и потом резко заглохнуть и не говорить. Мы начали громко говорить, подняли эту проблему – и эта проблема всегда должна быть на плаву. Всегда надо, пусть не громко, но говорить об этом. Громко – для того, чтобы это все поднять, всколыхнуть, чтобы народ взбудоражить и понять, что вообще-то куда мы катимся: дети – наше будущее, а мы к ним так относимся. Это не трава, по которой можно пройти. А мы сейчас поговорили-поговорили громко и потом замолчали – вот это вот самое страшное, поэтому об этом надо постоянно-постоянно говорить. И это надо сделать потребностью нашей жизни. Только тогда будет эффективность». (Нижний Новгород)

КАМПАНИЯ ПРОТИВ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

Информированность о кампании

В 2010 году Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, проводил информационную кампанию по борьбе против жестокого обращения с детьми. В ходе исследования изучалась эффективность данной кампании, ее влияние на общественное сознание. При оценке результата необходимо принимать во внимание то, что эффекты любой информационной кампании, за редким исключением, крайне непродолжительны. Опыт исследований post-test свидетельствует о том, что память

о рекламной кампании, даже самой интенсивной, сохраняется в целевых группах примерно две-три недели.

Доля тех, кто утверждает, что помнит о кампании, составила по всей совокупности 38,5%. При этом 45,2% заявили о том, что о подобной кампании ничего не слышали и еще 13,3% выбрали вариант «затрудняюсь ответить».

Диаграмма 25. Припоминание слогана кампании

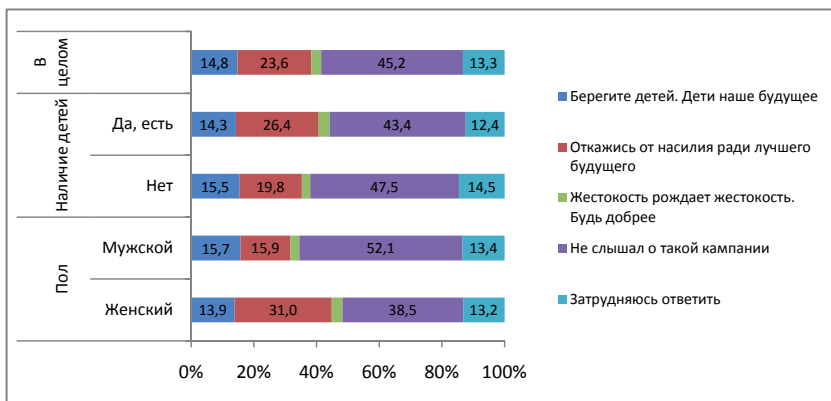
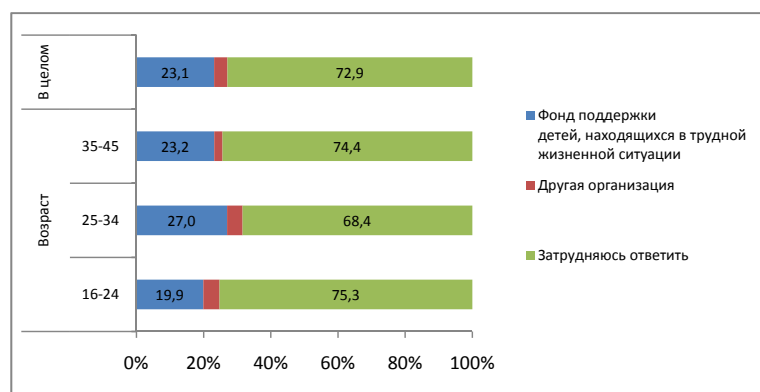

Диаграмма 26. Доля вспомнивших организацию, проводившую кампанию

пани наиболее влияние. В группе женщин доля тех, кто помнит о кампании, составило 44,9%, что больше доли непомнящих (38,5%). В группе мужчин доля слышавших о кампании составила 31,6%. Более половины опрошенных мужчин заявили, что ничего не слышали о кампании. Кампания оставила больше воспоминаний в группе родителей, чем в среде тех, у кого

нет детей. В группе родителей доля тех, кто помнит о кампании, составила 40,7%, в группе бездетных – 35,3%.

Тестирование показало, что примерно четверть от всей совокупности опрошенных правильно определяют слоган кампании («Откажись от насилия ради лучшего будущего»). Наиболее велика доля корректно определивших слоган в группе женщин (31,0%) и в группе родителей (26,4%).

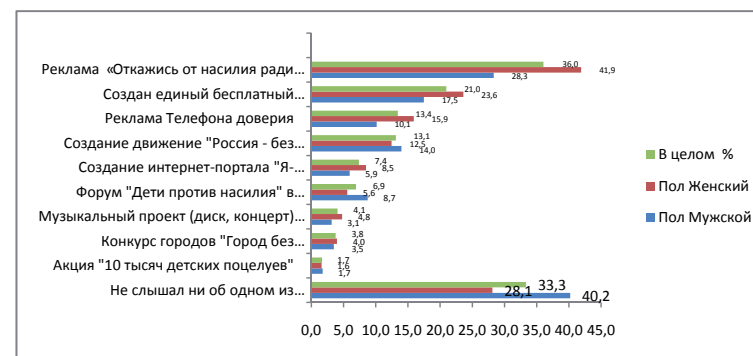
Респондентам, кроме того, предлагалось определить, кто проводил кампанию – Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, или какая-то другая организация. Вопрос был адресован только тем, кто слышал о кампании или принимал в ней участие.

Согласно данным исследования, около четверти всех респондентов, информированных о кампании, знают организацию, которая ее проводила. Наибольшее влияние на уровень информированности об организаторе кампании оказывает такая переменная, как возраст. Уровень информированности оказался наиболее высоким в группе 25-34 года, то есть именно в той целевой группе, на которую, прежде всего, ориентировались реализуемые мероприятия. Речь идет о родителях, имеющих детей от 1 года до 12, для которых кампания по борьбе против жестокости по отношению к детям даже более актуальна, чем для средневозрастной группы, имеющей детей-подростков или детей – молодых взрослых, перешагнувших двадцатилетний рубеж.

Информированность об отдельных мероприятиях в рамках кампании

В рамках кампании проводилось несколько взаимосвязанных мероприятий, включающих создание социального движения, специального интернет-портала, телефона доверия, проведение форумов, конкурсов и специальных акций. Как и следовало ожидать, из всех событий, включенных в кампанию, более всего запомнилась социальная реклама, показанная по телевидению.

Диаграмма 27. Доля вспомнивших мероприятия, проводимые в рамках кампании

Как показало исследование, наибольшее влияние на запоминаемость мероприятий кампании оказала такая переменная, как пол. Доля женщин, запомнивших телевизионную рекламу, оказалась больше соответствующей доли мужчин. Женщины чаще запоминали информацию о едином бесплатном телефоне доверия. В группе женщин доля тех, кто вообще не слышал ни об одном из мероприятий кампании, составляет всего 28,1%, в группе мужчины она равна 40,2%.

Информированность экспертов о кампании

Эксперты продемонстрировали высокий уровень осведомленности о проводимой информационной кампании: две трети всех экспертов, принявших участие в исследовании, заявили, что знают о ней. Среди экспертов были и такие, кто знал об отдельных акциях, не зная, что они являются составной частью кампании.

В среде экспертов к несомненным лидерам рейтинга известности можно отнести такие акции, как единый бесплатный анонимный телефон доверия для детей, рекламная кампания телефона доверия, движение «Россия – без жестокости к детям», портал для родителей «Я – родитель», рекламная кампания в федеральных СМИ «Откажись от насилия ради лучшего будущего». В числе наименее известных акций оказались такие, как музыкальный диск «Дорогою добра», форум «Дети против насилия» в Орленке, акции «Десять тысяч детских поцелуев» и «День семьи».

Эффективность кампании: мнение экспертов

Большая часть экспертов оценила кампанию как эффективную:

«Вы знаете, все, что ни делается, я считаю, эффективно. Процент, может быть, пока небольшой, но начали делать – значит, уже эффективность есть». (Нижний Новгород)

«Ну, если мы с вами определились, что одно все-таки из самых важных направлений профилактических – это информационное, то в этом смысле они в достаточно концентрированном виде начинают или даже продолжают, развивают, что ли, эту информационную часть противодействия жестокости в отношении детей. Поэтому думаю, что только позитивно можно оценить их роль в этом процессе». (Самара)

По мнению части экспертов, некоторые публичные мероприятия, проводимые в рамках кампании, были малоэффективны:

«На мой взгляд, не особо эффективна. Если это устраивать просто вот такие уличные акции, ну, пришли люди, развлеклись, ну, побыли, ну, подарок получили, поучаствовали в конкурсе. Как правило, благополучные при-

ходят семьи, то есть мы-то против насилия, да, а кто приходит? Те, кто насилия-то и не совершают. А вот те, которые совершают, они туда не придут, их это все обойдет стороной». (Барнаул)

«Я считаю, что акции не совсем, наверное, эффективны. Это должно быть в комплексе, потому что мы ежедневно должны об этом думать и ежедневно межведомственно этим заниматься». (Казань)

Некоторые из экспертов полагают, что кампания даст эффект в долгосрочной перспективе. В настоящее время прошел ее первый этап и пока преждевременно подводить итоги. Смысл кампании заключается в том, чтобы структурировать информационное поле. Чем чаще вопросы насилия над детьми будут в поле зрения общественности, тем более чувствительным будет общество к данной проблеме.

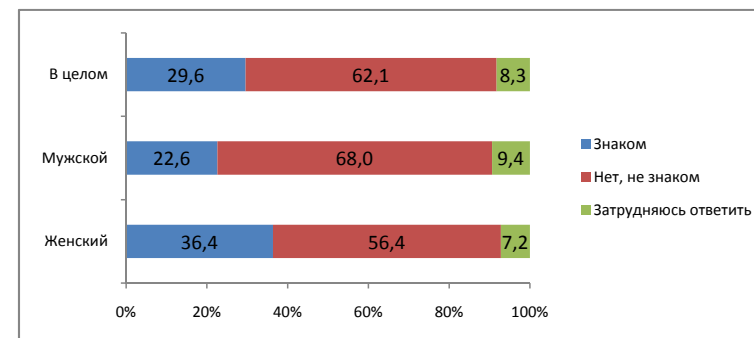
«Да, сейчас говорить рано. И потом должна быть... Я не знаю, какой-то мониторинг, статистика какая-то, потому что так трудно сказать, что только акция проводится». (Барнаул)

«Я не знаю, насколько эффективны, но хорошо, что поднимают этот вопрос. Это уже хорошо. А уж эффективность – это будет уже потом, как результат, что получится. А то, что началась эта кампания, это уже замечательно». (Москва)

Запоминаемость роликов

Респондентам предъявили раскадровки трех роликов, показанных в рамках кампании по телевидению. Респондентов просили сказать, какие из них они помнят.

Диаграмма 28. Доля запомнивших ролик 1 (от совокупности информированных о кампании)

Выяснилось, что ролик 1 под условным названием «Девочка» помнит примерно 30% опрошенных.

На распределение влияет такая переменная, как пол: доля женщин опознавших данный ролик существенно больше доли мужчин. 57,6% утверждают, что ролик произвел на них сильное впечатление, 35,8% – что запомнился, но никак не повлиял, и лишь 3,4% заявили, что ролик не произвел на них никакого впечатления.

Второй ролик получил условное название «Мальчик». Как выяснилось, именно он оказался наиболее эффективным.

Его запомнили более 40% в группе тех, кто был информирован о кампании и ее мероприятиях. В группе женщин ролик запомнился почти половине опрошенных, в группе мужчин – почти трети. Ролик оказал заметное влияние на родителей: в группе тех, у кого есть дети, его вспомнили 43,6%, в группе не имеющих детей – 36,9%.

Более половины опрошенных (55,6%) признали, что ролик оставил сильное впечатление, заставил задуматься. Около трети (34,9%) отметили, что ролик запомнился, хотя и никак не повлиял на них. Только 6,6% посчитали, что ролик не оказал на них какого-либо влияния.

Третий ролик, условно названный «Первый шлепок», произвел наименьший эффект. Его запомнил примерно один из четырех респондентов, информированных о кампании.

И в этом случае доля запомнивших ролик наиболее велика в группе женщин. Доля мужчин, запомнивших его, оказалась меньше доли мужчин, запомнивших два первых ролика.

Доля респондентов, полагающих, что ролик произвел на них сильное впечатление, составила 57,6%. Доля тех, кому он запомнился, но не произвел при этом эмоционального эффекта, оказалась равной 32,2% и доля тех, кого ролик оставил совершенно равнодушным, – 6,9%.

Эффект кампании

Любая информационная кампания может иметь двоякий эффект. Во-первых, она может стать предметом осознанной рефлексии. Это происходит в тех случаях, когда зритель, слушатель или читатель осознает проблематику кампании, помещает информацию о ней в оперативную память и делает ее темой для дальнейших размышлений. Осознание проблемы, которую поднимает кампания, означает для индивида возможность целенаправленной переработки ее символического ряда, приведение его в состояние согласованности с тем ценностным порядком, который индивид считает для себя основополагающим. Во-вторых, кампания может иметь неосознанные эффекты, проникать в подсознание целевой аудитории. Зритель или слушатель могут не осознавать того, что рекламный ролик или плакат, зрелище, сопровождающие некие мероприятия оказали

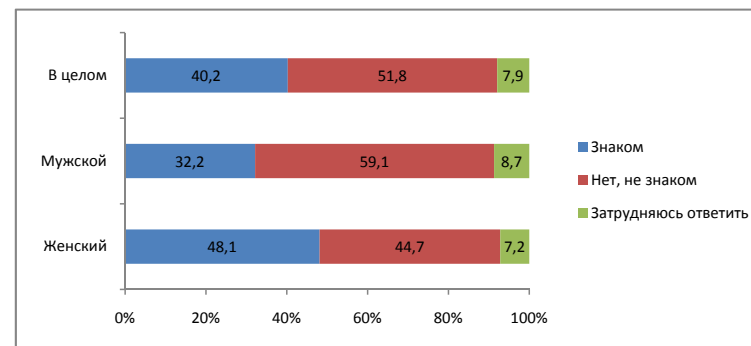
на них влияние. Более того, если спросить их, то они будут отрицать саму возможность подобного влияния, но в реальности они, сами того не осознавая, меняют свою точку зрения на предмет, который кампания считает для себя центральным.

В случае с кампанией против насилия зафиксирован, прежде всего, первый тип влияния. В группе тех, кто информирован о кампании, весомую долю составили те, на кого кампания оказала серьезное воздействие, заставила задуматься о проблемах воспитания детей, жестокости, жертвой которой они могут становиться.

Около 30% опрошенных отметили, что кампания заставила задуматься о проблемах воспитания детей, что-то поменять в их взглядах. Около 20% полагают, что кампания запомнилась, но никак на них не повлияла. У примерно 13% кампания не оставила в памяти ничего конкретного, и только 7,8% с определенностью утверждали, что ничего не могут о ней вспомнить. Обращает на себя внимание то, что примерно треть опрошенных выбрала вариант «затрудняюсь ответить». Предположительно, это означает, что кампания оказала влияние, оставила следы в памяти, но конкретизировать этот эффект, особенно сейчас, по истечении более чем шести месяцев респонденту затруднительно.

Наибольшие эффекты кампании наблюдаются в группе женщин, группе лиц, имеющих высшее образование и группе имеющих детей. Наименее эффективной она была в группе мужчин и наименее благополучной группе, в которой к тому же оказалось более всего затруднившихся ответить.

Диаграмма 29. Доля запомнивших ролик 2 (от совокупности информированных о кампании)

Подсознательные эффекты непросто зафиксировать с помощью такого метода, как массовый опрос. И, тем не менее, некоторые тенденции удалось выявить. Так, например, в группе тех, кто информирован о кампании, больше тех, у кого часто или всегда возникает чувство сожа-

ления по поводу наказания ребенка (41,5% и 35,7% соответственно). В группе помнящих о кампании больше тех, кто просил у ребенка прощения за допущенную по отношению к нему несправедливость (30,7% и 23,2%). Некоторые различия зафиксированы и в ориентациях на применение насилия по отношению к ребенку. Однако они слишком малы, чтобы быть статистически значимыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании, посвященном насилию и жестокости по отношению к детям, ставились несколько важных проблем. Во-первых, выявлялись практики поощрения и наказания, бытующие в российских семьях, соотношение между насилием как способом приведения ребенка к послушанию и стратегиями, нацеленными, прежде всего, на сотрудничество с ребенком, коммуникационное взаимодействие, дающее возможность избежать крайних мер. Результаты исследования позволили определить, что в российском обществе некоторые «мягкие» виды насилия по отношению к ребенку рассматриваются как норма, как необходимые способы воздействия на его поведение. Некоторые «мягкие» формы физического воздействия даже не рассматриваются как насилие. Тем более не считаются насилием коммуникационные формы воздействия на ребенка – окрики, ругань, отказ общаться.

Во-вторых, предметом рассмотрения в исследовании стали ценности внутрисемейного поведения, в особенности ценности, определяющие способы контроля над поведением ребенка. Оказалось, что российская культура вполне терпимо относится к насилию в тех его формах, которые не предполагают долговременных эффектов. В то же время угрозы полного разрыва коммуникационного взаимодействия или травмирующие угрозы здоровью, жизни ребенка рассматриваются как совершенно неприемлемые.

В-третьих, в ходе исследования выяснилось, что по традиции в российских семьях в целях контроля над поведением детей широко используется стратегия запретов и ограничений – от постановки в угол до запретов на использование компьютера или просмотр телевизора. Считается, что подобные стратегии могут быть эффективны и служить полноценной заменой некоторым формам физического воздействия.

Один из главных выводов, который позволяет сделать исследование, заключается в том, что российская культура отношений между детьми и родителями внутренне противоречива. В ней причудливо сочетаются элементы патриархального прошлого, заключенного в попытках родителей утвердить безусловное первенство над ребенком, добиться его безоговорочного послушания, и элементы модерна, ориентированного на индивидуализм, реф-

Диаграмма 30. Доля запомнивших ролик 3 (от совокупности информированных о кампании)

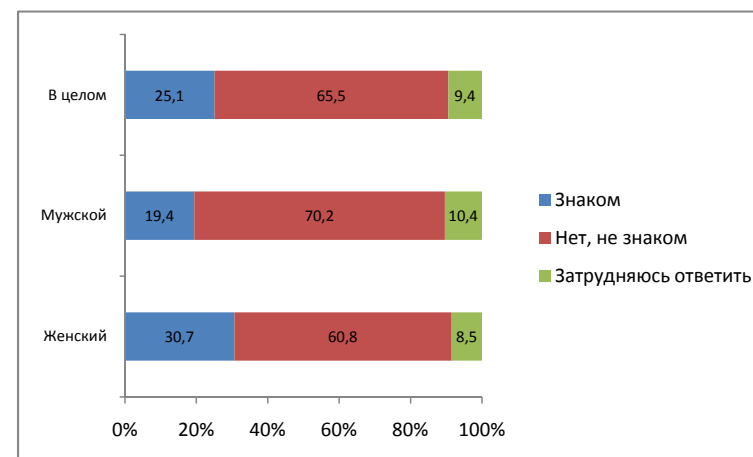

Таблица 7. Осознанный эффект кампании

	В целом	Пол		Образование		Уровень жизни		Наличие детей		
		Мужской	Женский	Среднее	Высшее	Бедные	Средние	Обеспеченные	Да, есть	Нет
Заставила задуматься, что-то изменить в своих взглядах	28,4	19,9	34,7	27,2	33,6	19,1	29,5	28,3	33,2	21,5
Запомнилась, но никак не повлияла	20,1	19,6	20,4	20,2	19,3	17,6	20,5	17,4	18,3	22,5
Что-то осталось в памяти, но ничего конкретного	12,5	14,0	11,4	11,6	16,8	10,3	12,2	23,9	12,1	13,1
Не оставила никаких воспоминаний или впечатлений	7,8	9,1	6,9	7,7	8,4	11,8	6,7	13,0	6,4	9,8
Затрудняюсь ответить	31,2	37,4	26,5	33,3	21,8	41,2	31,2	17,4	29,9	33,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

лексирующее поведение, признание за другим права быть таким, какой он есть и каким хотел бы быть. В российской культуре все более выраженным становится материнское начало, отцовское же все слабее, оно все менее эффективно осуществляет функцию утверждения нормативных порядков. Парадоксальным является результат, согласно которому уже не столько отец, сколько мать реализует практики насилия над ребенком, не столько малообеспеченные слои прибегают к насилию во имя контроля над ребенком, сколько вполне благополучные родители. Влияние школы ослабевает, и на этом фоне родители ищут варианты, при которых они могут сохранить влияние над детьми, ориентировать их на достижение успеха во все более конкурентном мире. Информационная кампания, развернутая Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, помогала и в дальнейшем будет помогать российским семьям находить варианты решения упомянутых проблем, свободные от насилия.

Расчетный счет Фонда поддержки детей,
находящихся в трудной жизненной ситуации

к/с 30101810100000000716

р/с 4070381000000002081

в ВТБ 24 (ЗАО) г. Москвы

БИК 044525716

ИНН 7709441865

КПП 770901001

ОГРН 1087799030549

БУДЕМ РАБОТАТЬ ВМЕСТЕ!

109074, г. Москва,

Славянская площадь, д. 4, стр. 3

+7 (495) 606-70-80

<http://www.fond-detyam.ru>

ISBN 978-5-905262-06-7

Отпечатано в типографии ООО «Малый бизнес»

Тел. +7 (495) 494-02-11 www.mbprint.ru

Сентябрь, 2011 г.

Тираж 1000 экз.

